

Христовъ Θεодосій, вмѣстѣ съ другими, претерпѣвшими изгнаніе за православіе, немедленно возвратился въ свою обитель. Писалъ къ нему Феликсъ, епископъ древняго Рима<sup>1)</sup>, также и Ефремъ, епископъ Антіохійскій<sup>2)</sup>, ублажая блаженнаго многими похвалами за то, что онъ обнаружилъ такую ревность—потерпѣлъ за истинную вѣру изгнаніе и готовъ былъ принять смерть.

---

## IV.

### Неустршимый исполнитель долга присяги<sup>3)</sup>.

„Какъ яркія звѣзды въ полуночной мглѣ,  
 Какъ перлъ драгоцѣнный въ коронѣ,  
 Сіялъ ты, Святитель, на русской землѣ,  
 Въ часъ страшный, въ часъ смуты и стона.

Ни страхъ, ни угрозы, ни блага земли,  
 Ни вражескій натискъ надмѣнный  
 Геройскій твой духъ сѣкрушить не могли,  
 Стоялецъ за Русь незабвенный.

Могучая Русь ослабѣла душой,  
 Безсильною Русь погибала,  
 Сгущались тучи надъ нею толпой:  
 Москва поляковъ призывала!

Но въ этотъ моментъ, въ этотъ часъ роковой,  
 Внявъ Господа Бога велѣнью,  
 Святитель, поднялъ мощно голосъ ты свой,  
 Сзывая народъ къ единенью.

Силенъ своей вѣрой, силенъ прямою,  
 Сплотилъ ты дѣтей всѣхъ отчизны:  
 „Спасайте Россію! для вѣры святой  
 „Отдайте всѣ силы вы жизни!

<sup>1)</sup> Римскій епископъ Феликсъ управлялъ римскою церковію съ 526—по 530 г.

<sup>2)</sup> Св. Ефремъ занималъ антіохійскую кафедру съ 528—545 г.

<sup>3)</sup> По случаю всероссійской памяти 300 лѣтія со дня мученической кончины священномученика святѣйшаго партіарха-патріота Гермогена (1612—17 февраля—1912 г.).

Вручилъ тебѣ Богъ Самъ защиту Руси,  
Вливалъ въ тебя бодрость и силу,  
Въ страданіяхъ твоихъ укрѣплялъ Онъ съ выси,  
И стойко сошелъ ты въ могилу!

И нынче мы снова съ тобою живемъ,  
И славимъ тебя, величаемъ,  
И память о подвигѣ славномъ твоёмъ  
Въ потомкахъ Руси воскрешаемъ!\*)

**Поминайте наставники Ваша, иже глаголаша Вамъ слово Божіе: иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ. (Евр. 13, 7).**

„Въ мірѣ скорби будете“ (Іоанн. 16, 33), сказалъ нѣкогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ будущимъ борцамъ православія: „нѣсть рабъ болій Господа своего, аще Меня изгнаша, и васъ изженуть“ (Іоан. 15, 20). Истина сихъ словъ, оправданная опытомъ многихъ стоящихъ на стражѣ церковной, оправдалась и въ жизни великаго патріота, неустрашимаго исполнителя долга присяги святѣйшаго всероссійскаго патріарха Гермогена. Онъ, вознесенный на высоту престола Пастыреначальническаго, съ полнымъ сознаниемъ важности своего долга, призывалъ всѣхъ къ исполненію долга присяги. Но попиратели этого долга съ иронической насмѣшкой и угрозой говорили ему: „Твое дѣло смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія дѣла тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться“. Но онъ не боялся насмѣшекъ и угрозъ, потому что боялся Бога. Никакія постороннія соображенія не могли воспренятствовать ему. Онъ не зналъ едѣлокъ съ совѣстью, не налагалъ молчанія на уста, если нужно было говорить; не давалъ покоя перу, если требовалъ долгъ писать...

Онъ не могъ быть хладнокровнымъ тогда, когда видѣлъ, какъ измѣнически терзали дорогую мать, родную Русь, какъ звѣри пытались ее на части разорвать, отнять отъ нея завѣтную святыню—вѣру православную, въ грязь втоптать все, чѣмъ она доселѣ жила, крѣпла, красовалась. Могло-ли послѣ сего его сердце быть спокойнымъ, не съ болью-ли все это отражалось на всемъ его существѣ? Могло-ли его сердце не кипѣть ревностью, не потрясаться отъ негодованія?!

\*) О. Е. Жандръ.

Могло ли не раздаваться съ священнаго амвона Московскаго Успенскаго собора его грозное слово, обличавшее измѣнниковъ православной вѣрѣ и Отечеству? Могъ-ли съ святительскаго амвона не исходить призывъ благословенія Божія защитникамъ и вѣрнымъ сынамъ Отечества, а для измѣнниковъ не гремѣть его проклятiе тогдашнимъ эсъ-эрамъ, эседекамъ, кадетамъ и иже съ ними?... Да, онъ своимъ жизненнымъ примѣромъ оставилъ намъ завѣтъ быть вѣрными долгу присяги, любящими сынами родной земли, беззавѣтно преданными слугами своего Царя, всегда готовыми умереть за Вѣру, Царя и Родину.

Онъ вѣрилъ, что если умереть за священный свой долгъ, то очистится отъ грѣховъ, Богъ причтетъ къ сонму святыхъ мучениковъ, и его вѣра не посрамилась. Честное тѣло его почиваетъ нетлѣнно\*) и къ гробницѣ его не заросла народная тропа; со всѣхъ концовъ Россiи текутъ вѣрующiе ея православные сыны къ могилкѣ новаго священномученика излить свои скорби и молитвы, и его молитвами многiе недужные получаютъ исцѣленiе.

Не говоритъ-ли сiе яснѣе словъ о томъ, что исполненiе долга присяги есть дѣло святое, дѣло угодное Богу, а нарушенiе этого священнаго долга можетъ развѣ только радовать перваго измѣнника Владыкѣ всей твари, врага рода человѣческаго — дiавола. Если-бы сказанныя уже въ темницѣ патрiархомъ слова: „да будетъ надъ тѣми, кто идетъ на очищенiе Московскаго государства милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренiя благословенiе, а на окаянныхъ измѣнниковъ да излiется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренiя да будутъ прокляты они въ семь вѣкѣ и въ будущемъ“, — были противны Богу, то Онъ-бы его и не прославилъ нетлѣнiемъ и чудесами.

\*) Первоначально патрiархъ Гермогенъ былъ похороненъ въ Чудовскомъ монастырѣ; по повелѣнiю же Царя Алексѣя Михайловича въ 1653 году гробъ былъ перенесенъ въ Успенскiй соборъ, причемъ тѣло его оказалось нетлѣннымъ. Поэтому оно и не было положено въ землю, а поверхъ земли въ особой гробницѣ, обитой бархатомъ. Въ 1812 году французы, отыскивая сокровища и въ гробахъ, кощунственно выбросили его мощи изъ гроба, но по уходѣ ихъ они были найдены цѣлыми и опять положены въ ту же гробницу. Черезъ 270 лѣтъ по кончинѣ, въ 1883 году; когда, предъ коронованiемъ Императора Александра III, производились работы въ Успенскомъ соборѣ, упавшiй со стѣны камень пробилъ каменное надгробiе и самый гробъ патрiарха, и при этомъ его св. останки оказались нетлѣнными (Ц. В. 1912 г. № 6). Гробница его находится въ укромномъ уголкѣ собора, о бокъ съ шатромъ надъ ризою Господней, нетлѣнные мощи его почиваютъ не въ могилѣ, а подъ надгробiемъ, въ гробу фиолетоваго бархата.

Отъ вѣка видалъ-ли кто, чтобы измѣнникъ былъ прославленъ Богомъ? Нѣтъ, ихъ память погибаетъ съ шумомъ, а за гробомъ уготовляется вѣчное мученіе во адѣ. Справедливо пишетъ въ своемъ дневникѣ святитель Никошъ: „Богу, дивному во святыхъ Своихъ, благоугодно было возбудить въ сердцахъ русскаго народа особенную вѣру въ его молитвенное заступленіе именно въ наши многоскорбные дни, когда современные Салтыковы—Милюковы, Масальскіе—Долгоруковы и вся ихъ компанія готовы распродать нашу матушку—святую Русь оптомъ и въ розницу не только полякамъ, финляндцамъ, но и презрѣннымъ іудеямъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ... Въ такое то время и встаетъ изъ своего гроба трехсотлѣтній великій покойникъ, встаетъ живымъ чудотворцемъ, напоминая русскимъ православнымъ людямъ ихъ долгъ предъ родиной, предъ святою своею вѣрой, предъ Церковью — матерью и Царемъ Самодержцемъ, встаетъ и вѣщаетъ гласомъ знаменій и чудесныхъ исцѣленій: „Опомнитесь, православные русскіе люди! Довольно блуждать намъ по распутіямъ измѣны роднымъ завѣтамъ, пора перестать быть перелетами—отъ этихъ завѣтовъ—къ современнымъ тушинцамъ, всякаго рода измѣнникамъ родной вѣрѣ, родному Царю и отечеству, пора грудью стать за эти завѣтныя святыни нашего русскаго сердца! не я одинъ—вся святая Русь, въ лицѣ своихъ избранниковъ на небесахъ престолу Божию предстоящая, всѣ сии древнерусскіе святители и преподобные, всѣ святые князья—мученики и великіе печальники ваши предъ Богомъ— всѣ мы призываемъ васъ къ покаянію, всѣ взываемъ къ вамъ: пожалѣйте родину, пощадите землю русскую, надъ которою какъ и въ мои дни, простерлась грозная туча гнѣва Божія! Обратитесь къ матери Церкви, слушайте гласа ея, яко гласа Божія, вспомните великое призваніе Руси—нести и возвѣщать святую истину православной вѣры всѣмъ народамъ земнымъ! Гоните отъ себя этотъ ложный стыдъ, навѣваемый врагами Церкви и святой Руси, стыдъ, будто мы, русскіе, отстали отъ другихъ народовъ и въ дѣлахъ вѣры, и въ жизни государственной, будто посему надо во всемъ подражать народамъ чужимъ, а для сего—отрекаться отъ всего роднаго... Все это—вражіе навожденіе, все это—ядовитый туманъ, которымъ отравляютъ васъ, паипаче же молодежь вашу враги Божіи—іудеи и масоны съ ихъ прислужниками. Будьте чисто-русскими, православными людьми, покайтесь по русски—такъ, какъ умѣли каяться ваши предки—цѣлымъ сердцемъ, съ дѣтскою простотой и искренностью и Господь смилуется надъ вами, и туча Божія пронесется мимо васъ, и паки засіяетъ надъ Русью

солнце милостей Божіихъ, какъ во времена оны древнія, какъ было послѣ моей кончины!“...

И внемлетъ гласу святѣйшаго Русь православная, внемлетъ съ благоговѣніемъ тотъ простой, вѣрующій народъ, который составляетъ цѣлое тѣло народное, настоящую Русь! И пошли волны народныя къ священной гробницѣ великаго патріарха-патріота, и съ каждымъ днемъ сіи волны увеличиваются. Не во дни только торжествъ въ память его, но и каждый день вереницами тянутся русскіе люди къ дому Пресвятыя Богородицы и несутъ сюда, подъ эти священные своды свои скорби и вздохи болящаго за родину сердца, и изливаютъ свою скорбящую душу у подножья гробницы новоявленнаго и Богомъ прославленнаго заступника своего, триста лѣтъ безмолвно-смиренно почивавшаго въ своей гробницѣ—даже до нашихъ скорбныхъ дней... И неумолчно слышится здѣсь вѣчная ему память, и съ благоуханіемъ кадилынымъ несется къ Богу молитва о упокоеніи его праведной души со святыми, а въ глубинѣ сердечной уже звучитъ молитвенное слово: и его молитвами насъ грѣшныхъ, Господи, помилуй!...“\*)

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ понималъ, что онъ ополчался не для выгодъ житейскихъ, не изъ честолюбія и корытолюбія, но за братію нашу, за дома наши, за родную землю, которую Самъ Господь далъ намъ въ обладаніе въ нашихъ предкахъ, которая омыта и искуплена не разъ цѣною крови отцовъ нашихъ;—за души наши, за свободу совѣсти и вѣры, за сохраненіе жизни матерей и чадъ нашихъ; старцевъ и дѣтей нашихъ; за законы наши, за святую вѣру и церковь, за отеческіе обычаи, за дорогаго Монарха-Помазанника Божія, Его Священное Самодержавіе и народность нашу. Онъ сознавалъ и вѣрилъ, что эта брань есть продолженіе той исконной брани, которую ведетъ сатана противъ царства Божія съ самаго начала міра, съ которымъ вступали въ борьбу всѣ святые подвижники Божіи, отъ вѣка бывшіе, подъ водительствомъ Начальника и Совершителя спасенія нашего Господа Іисуса Христа. Это—та брань, въ которой подвизались до крови издревле святые пророки, затѣмъ апостолы, святые мученики и исповѣдники. Такъ именно вѣрили и уповали и наши отечественные святые угодники Божіи—святители Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, преподобный Сергій, Діонисій и другіе, а съ ними и Святѣйшій Патріархъ Гермогенъ, когда защищали свою родину, вѣру православную и благочестиваго Царя отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. И эта святая вѣра укрѣпляла ихъ и

\*) Тр. Сл. № 110.

творила непобѣдимыми. Эта святая вѣра спасала наше отечество въ самыя тяжкія години и искушенія. Эту святую вѣру завѣщали они и всѣмъ намъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ ихъ вѣры и духа, ихъ доблестей и мужества, ихъ любви къ отечеству и преданности престолу царственному. Онъ какъ исполинъ духа, богатырь мысли, слова и дѣла въ ряду героевъ вѣры и патріотизма XVII вѣка, явился какъ великій мужъ и вождь ихъ въ годину смуты и междуцарствія.

Но современные враги Церкви и родины, приспѣшники масоновъ и іудеевъ, съ тайнымъ коварствомъ внушаютъ намъ: не ваше дѣло вмѣшиваться въ политику!—Справедливо въ отвѣтъ имъ говоритъ современный святитель патріотъ\*): „Какъ будто любовь къ отечеству—политика! Какъ будто охрана православной вѣры въ Россіи—политика! Святитель Гермогенъ не слушалъ тогдашнихъ измѣнниковъ: онъ далъ намъ примѣръ и урокъ, какъ относиться къ такимъ толкамъ. Онъ отстаивалъ правду Божию по архіерейской совѣсти, а не по толкованію тѣхъ, кто и Бога потерялъ, и врагу продался“...

И на самомъ дѣлѣ, если бы дѣятельность патріарха Гермогена и, по его благословенію, иноковъ Сергіевой обители была не согласна съ волей Божіей, то не послѣдовало бы поддержки ему отъ преподобнаго Сергія, троекратно являвшагося изъ загробнаго міра Козьмѣ Мишину,—когда тотъ, получивъ грамоту отъ архимандрита Діонисія о призывѣ всѣхъ русскихъ людей соединиться вмѣстѣ и крѣпко стать противъ враговъ земли русской и вѣры православной, не рѣшался на такой трудный подвигъ. Великій чудотворецъ Сергій повелѣлъ Козьмѣ собирать казну для ратныхъ людей и идти съ ними очищать государство Московское отъ враговъ. Но Козьма въ страхъ сталъ размышлять о видѣніи и, полагая, что собраніе войска не его дѣло, онъ не зналъ, на что рѣшиться. Спустя немного времени преп. Сергій вторично явился ему,—но и послѣ того Козьма пребывалъ въ нерѣшительности. Тогда преподобный въ третій разъ явился ему и сказалъ: „не говорилъ-ли я тебѣ, чтобы ты собиралъ ратныхъ людей? Милосердому Господу угодно было помиловать православныхъ христіанъ, избавить ихъ отъ волненія и даровать имъ миръ и тишину. Посему я и сказалъ тебѣ, чтобы ты шелъ на освобожденіе земли русской отъ враговъ. Не бойся того, что старшіе не пойдутъ за тобою: младшіе охотно исполняютъ это, и благое дѣло будетъ имѣть добрый конецъ“!

\*) Епископъ Никонъ Вологодскій.

Послѣднее видѣніе повергло Козьму въ трепетъ; онъ даже захворалъ. Сознавая, что болѣзнь послана ему въ наказаніе за сомнѣніе, онъ сталъ горячо умолять Преподобнаго Сергія о прощеніи и потомъ ревностно принялся за дѣло\*).

Послѣ сего Козьма уже безбоязненно и дерзновенно сказалъ своимъ нижегородцамъ въ октябрѣ 1611 года: „Захотимъ помочь Московскому государству,—такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего,—дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ,—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“.

„Я убогій съ товарищами своими всѣхъ насъ 2500 человекъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1700 р., брали третью деньгу: у меня было 300 руб. и я 100 руб. въ собранныя деньги принесъ: то же и вы всѣ сдѣлайте“.—„Будь такъ, будь такъ“,—закричали всѣ. И что же мы видимъ? Этотъ простой человекъ, мясной торговецъ, дѣлается орудіемъ въ рукахъ Божіихъ и спасаетъ родину и вѣру православную отъ грозившей ей серьезной опасности. Не пиши бы грамоты и не вмѣшайся святитель Гермогенъ и архимандритъ Діонисій въ дѣло государственное, то конечно не получилъ-бы грамоты и Козьма Мининъ и, само собою разумѣется, не собралъ-бы ополченіе на спасеніе погибающей родины. Не является-ли здѣсь главнымъ спасителемъ Россіи и Православія въ ней Патріархъ Гермогенъ и Архимандритъ Діонисій? „Быть или не быть“? Стояло предъ московскимъ государствомъ, и если произнеслось роковое „не быть“ во власти ляховъ, то этимъ обязана Россія всецѣло святителю Гермогену. Все это не свидѣтельствуешь-ли о томъ, что не только мірянамъ, но и духовнымъ должно стоять на стражѣ интересовъ вѣры, Царя и отечества, ибо сіе пріятно и угодно Богу. Не срывается-ли здѣсь маска коварнаго лицемерія съ тѣхъ, которые говорятъ: „не духовныхъ дѣло—вмѣшиваться въ политику, они должны быть внѣ политики“, иначе сказать сдѣлаться измѣнниками своего долга, такъ какъ попустительство—равносильно измѣнѣ. Ибо политическій принципъ духовенства одинъ—Православіе, Самодержавіе и Русская народность; мудрствующій инако, является уже измѣнникомъ долга присяги.

Нужно сказать, что въ жизни народовъ свѣтлыя эпохи духовнаго озарѣнія мѣняются на періоды темныя, когда является упадокъ нравовъ и идеаловъ. Идеи, которыми жили цѣлыя столѣтія, которыя вдохновляли лучшія силы человѣческія на подвиги самоотверженія и любви къ своей роди-

\*) Житія Святыхъ, Сентябрь 26, стр. 561).

нѣ, постепенно потомъ ослабѣвали и затихали. Измѣна, предательство, трусость были всюду и вездѣ. Это подобно солнцу въ моментъ затменія, но вотъ проходитъ затменіе, и вновь ярко начинаетъ свѣтить солнце, испуская лучезарные лучи. Въ моментъ такихъ затменій Богъ посылалъ и великихъ людей, которые, какъ глашатаи истины, говорили безбоязненно правду и яко свѣтильники свѣтили во тьмѣ, призывая упавшій духомъ народъ къ вѣрѣ и любви къ Родинѣ...

Вотъ къ числу-то такихъ великихъ людей твердыхъ какъ адамантъ, непоколебимыхъ какъ столбъ и принадлежитъ патріархъ Гермогенъ. Онъ былъ ревностнымъ и крѣпкимъ борцомъ за Вѣру Православную и устои Русскаго царства, всюду вступаясь за правыхъ, слабыхъ и обиженныхъ. Онъ приучилъ себя къ полному безкорыстію, самоотверженію и нищетѣ, а потому и былъ безстрашнымъ борцомъ правды Христовой на землѣ и неустаннымъ ратоборцемъ противъ всякой несправедливости и неправды. Онъ въ своей строго-подвижнической жизни приучилъ себя ко всеѣмъ лишеніямъ, зная, что они являются постоянными спутниками борцовъ правды Божіей. На самомъ дѣлѣ, какъ будетъ говорить всюду и вездѣ правду тотъ, кто не приучилъ себя къ самоотверженію, а обставилъ всевозможными жизненными удобствами? Только тотъ безбоязненно, не взирая ни на кого, будетъ вѣрнымъ своему долгу, кто не будетъ бояться ни смерти, ни земныхъ мукъ, страданій и лишеній. Тогда такіе борцы при угрозѣ имъ смерти мужественно взывали: „еже жити Христось, а еже умрети—приобрѣтеніе“ (Филип. 1, 21). Когда же имъ грозила ссылка, то они спокойно говорили съ пророкомъ: „Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней“ (Пс. 23, 1). Описи имѣнія они также не страшатся, зная, что „ничто-же внесохомъ въ міръ сей явѣ, яко ниже изнести что можемъ“ (1 Тим. 6, 7).

Но чтобы сознательно поднять свое патріотическое чувство, ощутить всю ту силу вѣры, которою жилъ святитель Гермогенъ, для этого нужно знать его жизнь и подвиги, его исповѣдничество. Чтобы черпать отъ его примѣра источникъ силъ и преданности долгу присяги, для этого нужно изучить его жизнь хотя въ краткихъ чертахъ, вдохновляться его примѣромъ, все перечувствовать, пережить и чрезъ это поднять уровень патріотическаго настроенія.

Трудно описать всю жизнь святителя Христова. Для этого нужна кисть великаго художника, слово геніальнаго поэта и нравственная чистота подвижника. Я-же не кистями и красками, а перомъ и чернилами пишу



душевный портретъ великаго и славнаго Святителя Христова, неустрашимаго исполнителя долга присяги.

Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій, родился около 1530 г. Біографіи расходятся въ своихъ заключеніяхъ о его родѣ и мѣстѣ рожденія. О происхожденіи его циркулируютъ различныя предположенія: одни думаютъ, что онъ былъ изъ донскихъ казаковъ, другіе предполагаютъ, что онъ принадлежитъ къ тяглому городскому классу (проф. С. О. Платоновъ въ извѣстныхъ „Очеркахъ по исторіи смуты“), есть свидѣтельство и о томъ, что онъ былъ родственникомъ Шуйскаго: наконецъ его считаютъ родомъ изъ князей Голицыныхъ, при чемъ до постриженія въ монашество онъ будто-бы носилъ имя Ермолая: (Русск. Арх. 1901 г. кн. 10, стр.—125\*). Наиболѣе вѣроятнымъ считаютъ его происхожденіе изъ Вятскихъ посадскихъ людей (Ц. В., 1912 г. № 9 стр. 353).

Въ юношескомъ возрастѣ Гермогенъ поступилъ въ Спасо-Преображенскій въ Казани монастырь, основанный святымъ Варсонофіемъ,—въ качествѣ послушника. Руководясь наставленіями св. Варсонофія, юный послушникъ, не получившій научнаго образованія, укрѣплялся въ духовной жизни и подвигахъ благочестія и, благодаря своему солидному уму, при помощи Божіей, самообразованіемъ достигъ того, что впоследствии способенъ сталъ занять мѣсто Святѣйшаго Патріарха Всероссійскаго.

### *Иеромонахъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

## V.

### **Явленіе благодатной силы по молитвамъ новаго страстотерпца Христова святѣйшаго патріарха Гермогена.**

Вскорѣ наступитъ время прославленія новаго угодника Божія, патріарха Гермогена, въ древней первопрестольной столицѣ русскаго государства; уже ходятъ слухи о многихъ исцѣленіяхъ, совершающихся у гробницы преподобнаго Гермогена, куда притекаютъ толпы богомольцевъ. Многія чудесныя явленія уже засвидѣтельствованы вѣрующими и извѣстны, какъ слышно, Св.

\*) Ц. Е. В. 1912 г. № 4.

товарища оживили умирающего офицера. Оба они, съ успіемъ поднявшись на колѣни, приложились къ висѣвшимъ нагруднымъ крестамъ и стали съ жаромъ молиться. Они молились, пока жизнь ихъ, нечувствительно ослабѣвая, тихо угасла, и души ихъ встрѣтили свѣтоносные ангелы и отнесли въ горнія райскія обители. Съ такимъ спокойствіемъ ждали они смерти, что даже сами французы смотрѣли на нихъ съ невольнымъ уваженіемъ.

Вотъ какъ спокойно жертвуютъ своей жизнью истинно-русскіе патріоты, эти герои духа и исполины любви. Имъ взываетъ св. пророкъ: „Не убойтесь отъ лица враговъ, помните Господа Бога нашего, великаго и страшнаго и ополчитесь за братію вашу; за сыны ваша и дщери ваша, жены ваша и души ваша“ (Неем. 4, 14). Утѣшаетъ ихъ Апостоль любви: „больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. (Іоан. 15, 13). Если великое дѣло любить отдѣльныхъ людей и полагать за нихъ жизнь свою; несравненно чудное и величайшее дѣло—любить до самопожертвованія Императора, родину, весь свой народъ. Ихъ не страшитъ коварно кровавая месть измѣнниковъ, ибо смерть для нихъ является благодѣяніемъ, потому что она возноситъ ихъ къ Богу, для котораго они живутъ и которому служатъ.

I. C.

---

## IV.

### Неустршимый исполнитель долга присяги\*).

(Продолженіе).

„Когда запылала отчизна отъ края до края,  
Зловѣще-тревожнымъ мятежнымъ огнемъ  
И смуты надвинулась туча надъ ней грозовая,  
И слезы и стоны неслися кругомъ;  
Престоль колебался и вѣры святой, православной  
Подмѣна свершиться готова была,  
И сверху и снизу царилъ духъ измѣны безглавной...  
Россія стонала, спасенья ждала;

---

\*) Смотр. „Голосъ Долга“ 1912 г. № 2.

Когда всѣ враги ликовали и пышную тризну  
Надъ Русью готовы ужъ были свершить,—  
Святитель возсталъ Гермогенъ за родную отчизну,  
За паству всю душу свою положить.

И Русь всколыхнулась. Съ огнемъ пробужденной отваги  
Защитники русской родимой земли,  
Поднявши высоко побѣдные стяги,  
На бранное поле полками текли.

Онъ палъ. Но великое дѣло его совершилось:  
Россія отъ смерти была спасена,  
И снова величія солнце надъ ней засвѣтилось,  
И снова попрежнему стала сильна.

Святитель! И нынѣ за насъ и за Русь ты святую  
Молись у престола Царя всѣхъ царей,  
Пусть Онъ хранить отъ волненій ее, дорогую,  
И дни ниспошлетъ безмятежные ей;

И хитро сплетенные нити сѣтей инославныхъ  
Десницей Своею святой разорветъ,  
Избавить отъ вражескихъ козней Онъ насъ православныхъ  
И счастье, и славу, и радость пошлетъ“ \*).

Въ 1579 году Гермогена возвели въ санъ приходскаго священника г. Казани при церкви св. Николая Чудотворца въ гостинномъ ряду. Въ это время 8 іюля 1579 года явилась чудотворная икона Божіей Матери именуемая „Казанская“. Гермогенъ былъ очевидцемъ этой милости Божіей и совершившихся отъ нея чудесъ. Когда архіепископомъ Казанскимъ Гереміей при множествѣ народа былъ открытъ чудотворный образъ, священникъ Гермогенъ испросилъ благословеніе у архіепископа принять чудотворный образъ въ свои руки, и умилившись до слезъ, несъ его на своихъ рукахъ въ храмъ. Впослѣдствіи эта икона, по его завѣщанію, была вручена Нижегородскому ополченію, возставшему подъ начальствомъ Козьмы Минина и князя Пожарскаго, въ 1612 г., на защиту погибавшей родины. Въ 1594 г. Гермогенъ составилъ сказаніе о явленіи чудотворной иконы Казанской и совершившихся отъ нея чудесахъ.

Вскорѣ послѣ явленія чудотворной иконы Гермогенъ постригается въ монашество въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ которомъ полагалъ

\*) А. П.

начало монастырской жизни. Жизнь въ монастырѣ онъ велъ сурово-подвижническую и усилилъ свою плодотворную дѣятельность. Въ 1582 году онъ поставляется настоятелемъ монастыря и возводится въ санъ архимандрита. Въ 1589 году переходитъ въ вѣчность Казанскій архіепископъ Іеремія и вмѣсто него на Казанскую кафедру поставляется архимандритъ Гермогенъ.

Въ 1589 году въ Россіи учреждается патриаршество. На патриаршій престолъ былъ избранъ Московскій Митрополитъ Іовъ и 26-го января 1589 года совершилось его посвященіе. Вновь поставленный патриархъ 13 мая 1589 года возводитъ Казанскаго архіепископа Гермогена въ санъ митрополита. Въ этомъ санѣ Гермогенъ еще съ большей ревностію трудился на нивѣ Господней. Онъ увѣковѣчилъ память о доблестныхъ войнахъ, павшихъ при взятіи Казани, испросивъ разрѣшеніе отъ Патріарха установить церковное поминовеніе объ убіенныхъ при осадѣ войнахъ.

Особенное вниманіе обращалъ Гермогенъ на религіозно-нравственное воспитаніе вновь просвѣщеннаго Казанскаго народа и миссіонерское просвѣщеніе среди еще пребывающихъ во тьмѣ невѣдѣнія. Въ 1592 году святитель Гермогенъ удостоился встрѣтить въ Свіяжскѣ мощи св. Германа, перенесенныя туда изъ Москвы. Видя мощи совершенно нетлѣнными, святитель приказалъ поставить гробъ въ алтарѣ Успенской церкви Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, основаннаго св. Германомъ. Спустя 3 года послѣ этого въ 1595 году, когда производилась перестройка церкви въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, произошло открытіе нетлѣнныхъ мощей св. Гурія и Варсонофія; это сильно подняло духъ Гермогена. По порученію царя Теодора, Гермогеномъ было составлено, какъ очевидцемъ, житіе и открытіе мощей св. Гурія и Варсонофія. Открытіе онъ описываетъ такъ: „Это было, пишетъ святитель, — 4-го октября. И мнѣ, смиренному, пришлось повѣдать, что мы достигли до цѣльбоносныхъ гробовъ преподобныхъ отцовъ. Тогда со всѣмъ освященнымъ соборомъ, принеши Господу Богу жертвы и отпѣвъ панихиду, пришли мы въ монастырь и поклонились нетлѣннымъ гробамъ Гурія и Варсонофія. Сперва вскрыли гробъ архіепископа Гурія, и чудное намъ представилось зрѣлище, какого не надѣялись видѣть: вся рака исполнена была благоуханнаго мвра. Нетлѣніемъ одарилъ Господь Богъ честное тѣло св. Гурія.— „Потомъ открыли мы, — продолжаетъ Гермогенъ, — раку преподобнаго Варсонофія, и увидѣли его мощи, многимъ нетлѣніемъ почтенныя отъ Бога; не было даже никакой слабости въ суставахъ, какъ и у св. Гурія“. Поставивъ мощи угодниковъ Божіихъ поверхъ земли, святитель Гермогенъ немедленно доложилъ письменно о семъ благочестивому царю и

святѣйшему патріарху Іову. Мирные и ревностные труды на нивѣ Господней Святителя Гермогена приходятъ къ концу, наступаетъ для него великое испытаніе, какъ-бы проба его закаленной твердости и мужественной крѣпости духа и, здѣсь-то познался всѣми этотъ чудо-богатырь народнаго русскаго дѣла.

7 января 1598 года умираетъ благочестивый царь Феодоръ. Обстоятельства дѣла отвлекаютъ Гермогена отъ прямыхъ его обязанностей и ставятъ на арену политической дѣятельности. Видя угрожавшую опасность самобытности Московскаго государства и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніяхъ, онъ какъ горячо любящій свою родину и беззавѣтно преданный православной церкви архипастырь, немедленно встаетъ въ ряды неустрашимыхъ защитниковъ вѣры и государства. Послѣ смерти послѣдняго изъ дома Рюрика—царя Феодора, занялъ Московскій престолъ Борисъ Годуновъ. Но Богъ не судилъ ему быть родоначальникомъ новой династіи Русскихъ царей, ибо мученическая кровь неповинно убитаго царевича Дмитрія (1591 г.) вошляла къ Богу, такъ какъ не безучастенъ былъ Борисъ Годуновъ въ убіеніи царевича, убитаго сторонниками его.

Не успѣлъ укрѣпиться на престолѣ Борисъ Годуновъ, какъ появился самозванецъ, выдававшій себя за убіеннаго царевича Дмитрія. Въ концѣ 1604 года онъ, поддерживаемый поляками и іезуитами, направился изъ Литвы въ Малороссію, гдѣ привлекъ къ себѣ казаковъ. Были сторонники у него и среди бояръ. Но вотъ 13 апрѣля 1605 года скоропостижно умираетъ Борисъ Годуновъ. Тайные измѣнники изъ бояръ теперь открыто переходятъ на сторону самозванца. Патріархъ Іовъ стоялъ за сына Бориса—Феодора и отвергалъ самозванца. Но измѣнники—приверженцы лжедмитрія—свергаютъ патріарха съ престола: во время литургіи въ Успенскомъ соборѣ срываютъ съ него святительскія одежды, надѣваютъ одежду простого монаха и отправляютъ въ Старицкій монастырь. Сына Бориса—Феодора убиваютъ и 20 іюня 1605 года самозванецъ торжественно въѣзжаетъ въ Москву.

Съ этого момента явилось великое Московское раззореніе. Черная туча накатилась на Россію.

На престолѣ русскихъ царей сидитъ ставленникъ поляковъ самозванецъ Лжедмитрій—Гришка Отрепьевъ. Онъ назначаетъ патріархомъ Рязанскаго архіепископа Игнатія, родомъ грека, который по своей слабыхарактерности и убѣжденіямъ способенъ былъ на іудино предательство. Боярская дума преобразовывается въ сенатъ, гдѣ должно было засѣдать и высшее

духовенство. Гермогенъ изъ Казани вызывается въ новоучрежденный сенатъ въ качествѣ члена. Тяжело было святителю Гермогену видѣть все, что творилось самозванцемъ въ Москвѣ, но онъ пока серьезно размышлялъ и обдумывалъ планъ спасенія церкви и родины. Но видя серьезную опасность православію со стороны католичества, онъ со всей присущей ему твердостью неустрашимо выступаетъ на защиту Православія.

Отрепьевъ высказывается за унію съ римскимъ папой. Онъ хочетъ жениться на полькѣ—католичкѣ, не присоединяя ее къ православной Церкви. Обсуждается вопросъ о женитьбѣ самозванца въ сенатѣ. Лжепатріархъ грекъ Игнатій говоритъ: „по твоей волѣ буди, Государь!“ Всѣ же остальные молчатъ, боясь царскаго гнѣва, и никто не протестуетъ противъ явнаго нарушенія основного закона святой Руси, противъ беззаконія, которое грозитъ уничтоженіемъ православія на Руси. . . Тогда митрополитъ Гермогенъ встаетъ и безбоязненно говоритъ: „Не подобаетъ христіанскому царю самозванцу брать некрещенную и вводить во святую церковь и строить римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь, потому что никто изъ прежнихъ царей такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать“. Къ нему присоединился Коломенскій святитель Іосифъ, требуя, чтобы невѣста самозванца приняла крещеніе и торжественно исповѣдала истину православія, иначе бракъ будетъ незаконный. За такое дерзновенное обличеніе беззаконія святитель Гермогенъ подвергся опалѣ. Самозванецъ выслалъ его въ Казань, приказавъ лишить его сана и заключить въ монастырь, но приказаніе это не было приведено въ исполненіе. Беззаконный бракъ самозванца совершился подъ пятницу и на Николинъ день. Наѣхавшіе на свадьбу поляки своими безчиніями раздражили народъ. 17 мая 1606 года вспыхнулъ бунтъ, во время котораго окаянный самозванецъ Гришка Отрепьевъ былъ убитъ, а съ нимъ было убито и много поляковъ.

Избирается на Московскій престолъ нелюбимый народомъ престарѣлый князь Василій Іоанновичъ Шуйскій. По своему происхожденію онъ имѣлъ право на Московскій престолъ, ибо былъ потомокъ Александра Невскаго и Суздальскихъ удѣльныхъ князей. Онъ созвалъ соборъ, которымъ былъ низверженъ лжепатріархъ грекъ Игнатій.

*Гермонахъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

мужа Аврамія, повель его въ соборную церковь Пресвятой Троицы въ царствующемъ градѣ Афарѣ, облекъ въ царскую порфиру и возложилъ діадему на главу его, а святымъ Григоріемъ совершено было царское помазаніе и принесена была за царей и за всѣхъ людей безкровная жертва, во время коей оба царя приобщились изъ рукъ архієпископа божественныхъ Таинъ \*).

---

## IV.

### Неустршимый исполнитель долга присяги \*\*).

(Продолженіе).

„Возстанемте, русскіе, братья родные,  
И прежнимъ напѣвомъ былину споемъ  
Про русскую землю, про годы былые  
И тихій напѣвъ тотъ слезами польемъ..

\* \* \*

Прошли, миновали и брани и свары,  
Предъ Русью склонилась главою Казань,  
Притихли литовцы, поляки, татары,  
И съ русскихъ давно не берутъ уже дань.  
Казалось, къ землѣ нашей близилось счастье,  
Но грозныя очи смежилъ Іоаннь,  
И снова надъ Русью подуло пенастье,  
И снова пронесся надъ ней ураганъ.

\* \* \*

Не темныя тучи надъ Русью сгущались,  
Не пыль поднималась къ сѣдымъ облакамъ,  
Не солнце лучами землѣ улыбалось,  
Не мѣсяцъ надъ нею сіялъ по ночамъ.  
То дымъ отъ пожарищъ надъ Русью сгущался

---

\*) Житія святыхъ, декабрь 19-го.

\*\*\*) См. „Голосъ Долга“, 1912 г. № 3.

И черными клубьями шель къ небесамъ,  
То огненный пылъ по землѣ разстилался  
И въ заревахъ красныхъ сіялъ по мѣстамъ.  
Не стало житья на Руси поселянамъ,  
Не могъ выходить на торговлю купецъ,  
Не стало начальства по воинскимъ станамъ,  
И близился къ родинѣ нашей конецъ;  
Куда же дѣвалась ты, русская слава,  
Что ярко блистала такъ въ Рюриковъ родъ?!  
Вѣдь вотъ ужъ въ цари для Руси Владислава  
Униженно просить московскій народъ“ \*).

\* \* \*

Первый московскій патріархъ Іовъ былъ еще живъ, находясь въ заточеніи въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ; но онъ отъ печали и слезъ о бѣдствовавшей родинѣ ослѣпъ и не хотѣлъ возвратиться въ Москву, рѣшительно отказался занять постъ патріарха, а указалъ себѣ преемника митрополита Казанскаго Гермогена. Царь и архипастыри русскіе согласились на предложеніе Патріарха Іова и поставили Гермогена патріархомъ Всероссійскимъ. Царь вручилъ новому патріарху Гермогену жезлъ св. Петра митрополита; Гермогенъ благословилъ Царя.

По своему характеру новый патріархъ Гермогенъ былъ противоположною царю Василию Ивановичу. Онъ былъ человѣкомъ прямымъ, честнымъ, непоколебимымъ, свято-служившимъ своимъ убѣжденіемъ въ дѣлахъ Церкви и Государства, далекимъ отъ личныхъ цѣлей. Онъ былъ непоколебимымъ столпомъ Церкви и Государства. Хотя были враги и у Гермогена, которые считали его человѣкомъ жестокимъ, строгимъ и грубымъ. Въ виду этого проф. Знаменскій замѣчаетъ: „такимъ дѣйствительно и долженъ казаться этотъ прямой, честный и стойкій человѣкъ среди общества, которое издвоядушничалось отъ измѣнъ“.

Не успѣлъ Царь Василій Ивановичъ Шуйскій занять царскій престоль, какъ разнесся слухъ, что царь Димитрій живъ и бѣжалъ изъ Москвы опять въ Польшу, а оттуда идетъ съ войскомъ на Московскаго Царя. Разносили слухъ, что убили вмѣсто Димитрія какого-то нѣмца. Этому слуху

---

\*) Свящ. В. Васюковъ.



повѣрили многіе москвичи и жители дальнихъ областей. Приверженець самозванца воевода князь Григорій Петровичъ Шаховскій, затаенный врагъ Шуйскаго, успѣвшій похитить государственную печать во время Московскаго мятежа противъ Лжедмитрія и прибывъ на воеводство въ Путивль, объявилъ гражданамъ, что царь Дмитрій спасся и скрывается до времени, а Шуйскій—похититель престола. Жители Путивля, разумѣется, возстали противъ Царя Василя Ивановича Шуйскаго, а за ними послѣдовали и другіе сѣверскіе и польскіе города, а также быстро росло возмущеніе и въ Украинѣ. Тамъ усиленно агитировалъ нѣкій бѣглый холопъ князя Теляшевскаго, Иванъ Болотниковъ, отличавшійся смѣлостію, отчаяннымъ характеромъ и человекъ бывалый. Онъ собралъ около себя толпы бѣглыхъ преступниковъ и увлекъ на свою сторону украинскіе и рязанскіе города во главѣ съ рязанскимъ воеводой Сунбуловымъ и дворянами Прокопіемъ и Захаріемъ Ляпуновыми. Возстаніе росло и росло, какъ пламя пожара. Мятежники чинили грабежъ и разбой среди мирныхъ жителей. Опустошивъ многіе города и селенія, мятежники въ 1606 году подходили къ самой Москвѣ.

Патріархъ Гермогенъ убѣждалъ народъ не вѣрить ложнымъ слухамъ, а чтобы болѣе убѣдить народъ, что истинный Царевичъ Дмитрій, сынъ Іоанна Грознаго, дѣйствительно убитъ, посовѣтовалъ мощи его перенести изъ Углича въ Москву. Въ Угличъ отправились митрополитъ Филаретъ Никитичъ, взявшій съ собой архимандритовъ, вмѣстѣ съ боярами и многимъ духовенствомъ, для торжественнаго перенесенія державнаго мученика Дмитрія. Тутъ были и родственники убитаго Царевича Дмитрія по матери—Григорій и Андрей Нагихъ. 3 іюня 1606 года мощи Дмитрія приближались къ Москвѣ; патріархъ Гермогенъ, вмѣстѣ съ Царемъ торжественно вышелъ на встрѣчу мученику за городскія ворота. Царь приказалъ открыть раку и показать мощи народу, потомъ вмѣстѣ съ патріархомъ несъ на себѣ открытыя мощи до церкви св. Михаила Архангела. Здѣсь, въ придѣлѣ Іоанна Предтечи, гдѣ почивали тѣла Царя Іоанна Грознаго и его сыновей Ѳеодора Іоанновича и цесаревича Іоанна, было приготовлено мѣсто и для страстотерца царевича Дмитрія. Такъ какъ Господь прославилъ нетлѣныя мощи св. мученика многими чудесами, то онѣ поставлены были поверхъ земли, для всеобщаго чествованія и поклоненія. Патріархъ Гермогенъ установилъ три раза въ годъ праздновать память св. мученика: въ день его рожденія, убіенія и перенесенія мощей изъ Углича въ Москву. Потомъ Патріархъ разослалъ грамоту, въ которой повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѳемѣ самозванца Гришку Отрепьева.

Но смуты и мятежъ не прекращались. Многіе изъ москвичей помнили, какъ когда-то Василій Ивановичъ Шуйскій свидѣтельствовалъ при Годуновѣ, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни; а потому Шуйскому плохо вѣрили.

Вскорѣ мятежники, подъ предводительствомъ Ивана Болотникова, осадили Москву и объявили Царя Василя Ивановича Шуйскаго лишеннымъ престола. Явились измѣнники въ Москвѣ; толпами переходили они къ мятежникамъ. Измѣна пробралась и въ дома воеводъ. Подчища Ивана Болотникова пресѣкли ввозъ припасовъ въ Москву, которой грозила крайняя опасность: голодъ и осада.

Патріархъ, надѣясь на Бога, духомъ не падалъ; онъ совмѣстно съ Царемъ заповѣдываютъ всему народу трехдневный постъ и усердно молиться Богу о дарованіи небесной помощи на усмиреніе коварныхъ измѣнниковъ и о возстановленіи тишины въ мятущемся народѣ. И надежда на Всевышняго не посрамила. Царскій племянникъ, молодой и мужественный воевода Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова и онъ бѣжалъ отъ Москвы на югъ.

Многіе города, прежде колебавшіеся, внявъ голосу святителя, пошли противъ мятежниковъ.

Гермогенъ всюду разсылалъ увѣщательныя грамоты, умоляя постоять за вѣру, царя и отечество, убѣждалъ образумиться, а измѣнниковъ—Болотникова и его соумышленниковъ предалъ проклятію. Духовенству предписалъ приняться за оружіе; монастырямъ поставилъ въ обязанность снабжать столицу и войско жизненными припасами. Особенно большую помощь оказала Троице-Сергіева Лавра. Предоставляя правительству вещественную помощь, Гермогенъ старался дѣйствовать на него и нравственными средствами: онъ повелѣлъ по всѣмъ церквамъ совершать молебствіе о дарованіи правительственнымъ войскамъ побѣды.

*Иеромонахъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

не только за дурное, но и за каждое праздное слово. Какой же отчет человек должен будет отдать Богу за слова оскорбительныя для ближняго, ругательныя, богохульныя, за проклятія! Страшно подумать объ этомъ! Не даромъ же апостоль Христовъ умолялъ вѣрующихъ: Братія моя возлюбленная, да будетъ всякъ человекъ скоръ услышати, и косенъ глаголати, косенъ во гнѣвъ. (Іак. 1, 19)\*).

---

## IV.

### Неустршимый исполнитель долга присяги\*\*).

(Продолженіе).

„Поляки ликуютъ предъ счастіемъ близкимъ,  
 Давно имъ мечталось Русь покорить,  
 Давно имъ хотѣлось съ папою Римскимъ  
 Въ ней въ вѣру латинскую всѣхъ обратить.  
 И вотъ наступаетъ для нихъ часъ желанный:  
 Смоленскъ и Москва уже въ польскихъ рукахъ,  
 И ляхъ Владиславъ, москвичами избранный,  
 Въ московскомъ кремлѣ воздвигаетъ свой стягъ.  
 Но рано ликуютъ кичливые ляхи:  
 Къ нимъ Русь не попала въ ожидаемый плѣнъ:  
 Явился въ ней стражъ и защитникъ великій,  
 Святитель ея, патріархъ Гермогенъ.

\* \* \*

Зоветь патріархъ: „Православные люди!  
 Кто вѣруетъ въ Господа Бога, возстань!  
 И воля святая его съ вами буди,—  
 Я васъ осѣняю десницей на брань.  
 Какая же честь для Руси православной,  
 Когда нашъ исконный врагъ-лиходѣй,  
 Пѣстунъ самозванцевъ, католикъ коварный

---

\*) Епископъ Гермогенъ.

\*\*\*) См. „Голосъ Долга“, 1912 г. № 4.

Надѣнетъ вѣнецъ православныхъ царей?  
Духовные мужи и храбрые вои!  
Князья и бояре, крестьяне, рабы!  
Возстаньте вы противъ сарматской неволи,  
Берите вы иго тяжелой борьбы.  
За вѣру святую въ борьбѣ со врагами  
Вы жизнь полагайте, какъ ваши отцы  
Въ татарское иго, и будутъ надъ вами  
Въ той жизни сіять вѣчной славой вѣнцы.  
И пусть же изъ смертной борьбы съ иновѣрцемъ  
Взойдетъ для страны золотая заря,  
И пусть съ православной душой, съ русскимъ сердцемъ,  
Народъ изберетъ для Россіи царя!“.

\* \* \*

Не громъ прогремѣлъ по великой Россіи,  
Не вихорь лѣсами ея потрясалъ,  
То призывъ къ народу святого вити  
По весямъ и градамъ полки собиралъ.  
Не буйные вѣтры въ странѣ проносились,  
Не стаи пернатыхъ летѣли въ выси,  
То рати могучія быстро стремились  
Къ Москвѣ златоглавой съ окраинъ Руси“ \*).

\* \* \*

Для большаго народнаго успокоенія святитель Гермогенъ вызываетъ въ Москву престарѣлаго патріарха Іова. Посылая къ нему пословъ, святитель извѣщалъ доблестнаго старца, что самъ государь и царь русскій Василій Ивановичъ посылаетъ молить святительство его, чтобы онъ совершилъ подвигъ—пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла: чтобъ, пріѣхавъ въ Москву, онъ простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ нарушеніи крестнаго цѣлованія и во многихъ клятвахъ“. Отъ себя самого святитель прибавлялъ: да и мы молимъ со всякимъ усердіемъ святительство твое и колѣна преклоняемъ: сподоби насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать преслад-

---

\*) Свящ. В. Васюковъ.

кій голосъ твой: неслезанно желаемъ видѣть тебя и облобызать десницу твою“. Тронутый мольбами царя и патріарха, святитель Іовъ, уже дряхлый и слѣпой старецъ, пріѣхалъ въ Москву. Въ Успенскій соборъ 20 февраля 1607 года явились оба патріарха. Совершенъ былъ молебенъ, послѣ котораго Гермогенъ сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, а Іовъ въ простой монашеской одеждѣ вблизи патріаршего мѣста. Тогда всѣ, находившіеся въ храмѣ, съ воплемъ и плачемъ обратились къ Іову, просили у него прощенія и подали ему челобитную. Гермогенъ приказалъ своему архидіакону взойти на амвонъ и громко прочитать челобитную. Въ ней православные исповѣдывались предъ своимъ бывшимъ патріархомъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису Θεодоровичу и не принимать вора, назвавшася именемъ царевича Дмитрія, и измѣнили своей присягѣ, какъ клялись потомъ сыну Бориса Θεодору Борисовичу и снова преступили крестное цѣлованіе, какъ не послушались его — страдальца и патріарха, и присягнули лже-Димитрію, который лютостію отторгнулъ его — пастыря отъ его словесныхъ овецъ, а потому умоляли теперь, чтобы первосвятитель простилъ и разрѣшилъ имъ всѣ эти ихъ преступленія и измѣны. По прочтеніи этой челобитной, патріархъ Іовъ и Гермогенъ приказали тому же архидіакону прочесть съ амвона разрѣшительную грамоту. Въ грамотѣ патріархи Гермогенъ и Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молили Бога, чтобы Онъ помиловалъ виновныхъ и простилъ имъ согрѣшенія, и приглашали всѣхъ къ усердной молитвѣ, да подастъ Господь всѣмъ миръ и любовь, да устроитъ въ царствѣ прежнее соединеніе и да благословитъ царя Василія Ивановича побѣдами надъ врагами.

На многихъ это подѣйствовало, но на забывшихъ Бога измѣнниковъ и это не подѣйствовало. Они развратились нравственно до того, что забывали свой долгъ въ отношеніи къ родинѣ, къ церкви, увлекаясь бредомъ самозванцевъ. Къ удалившемуся Болотникову стали приставать казаки. Явился и новый самозванецъ, родомъ муромецъ, незаконный сынъ „посадской женки“, Илейки. Онъ назвался царевичемъ Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Θεодора, и также присталъ къ Болотникову. Шуйскій собралъ 100000 войска и самъ выступилъ противъ бунтовщика. Въ Тулѣ бунтовщики, томимые голодомъ, сдались. Болотниковъ былъ ослѣпленъ и утопленъ, а лже-Петръ — повѣшенъ. Вмѣсто повѣшеннаго появлялись новые самозванцы въ разныхъ мѣстахъ, но они исчезли также быстро, какъ и появились.

Но вотъ является новый самозванецъ яко бы спасшійся лже-Димитрій 1-й и бѣжавшій въ Польшу (говорятъ это былъ жидъ изъ Польши). Этого бро-

дягу сопровождали іезуиты, которымъ былъ данъ наказъ дѣйствовать болѣе осторожно, чѣмъ при первомъ самозванцѣ, въ дѣлѣ распространенія уніи и латинства въ Россіи. Іезуиты должны были удалять отъ самозванца русскихъ людей, окружая его католиками и уніатами, всячески склонять бояръ къ измѣнѣ православію, заводять въ Россіи католическія и уніатскія школы, строить костелы, изгонять изъ Россіи грековъ. Все это тщательно съ тонкимъ коварствомъ укрывалось отъ всѣхъ русскихъ людей, но прозорливый патріархъ раньше другихъ уразумѣлъ лукавство поляковъ. Онъ еще ревностию сталъ поддерживать Царя Василя Іоанновича, какъ защитника православія. Вскорѣ самозванецъ появился въ Стародубѣ. Около него стали собираться польскія дружины подъ предводительствомъ своихъ вождей Лисовскаго и Сапѣги, запорожскіе и донскіе казаки и многіе русскіе измѣнники. 1-го іюня 1608 года самозванецъ приблизился къ Москвѣ и остановился въ 12 верстахъ отъ Москвы въ селѣ Тушинѣ, отъ котораго и получилъ названіе „Тушинскаго вора“.

Близость къ Москвѣ измѣнническаго стана оказывала на народъ гибельное вліяніе. Многіе переходили на сторону самозванца, затѣмъ нѣкоторые возвращались съ коварной цѣлью вооружать народъ противъ Царя Василя Ивановича Шуйскаго. Были такіе, которые клялись въ вѣрности Царю В. И. Шуйскому, а на завтра присягами самозванцу и получали награды отъ того и другого. Положеніе Царя было весьма тяжелое. Патріархъ Гермогенъ утѣшалъ и ободрялъ Царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ грамоты, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на грозившую опасность для православія отъ поляковъ и предавалъ проклятію всѣхъ измѣнниковъ Царя. Многіе епископы послѣдовали примѣру Патріарха и не допустили многіе города на измѣннической переходъ на сторону Тушинскаго вора.

Среди московскихъ бояръ явились измѣнники. Задумавши низложить царя Василя 17-го февраля 1609 г. крамольники громадной толпой собрались на площади. Бросились за патріархомъ въ Успенскій соборъ и насильно привели его, поставивъ его на лобное мѣсто, начали кричать народу, что царь Шуйскій избранъ незаконно. „Князя-де Василя Ивановича Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ“. „До сихъ поръ,—сказалъ на это Гермогенъ, Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни другіе города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими вла-

стями. Вы забыли крестное цѣлованіе, въ немногомъ числѣ возстали на царя, хотите безъ вины свестъ его съ царства, тогда какъ міръ того не хочетъ. Возставая на царя, вы возстаете на Бога, противитесь всему народу христіанскому, хотите поругать христіанскую вѣру, и сдѣлать царству великое зло. Не принимаемъ вашего совѣта и другимъ не велимъ приставать къ нему. Молимъ Бога, чтобы сохранилъ на російскомъ царствѣ государя Василія Ивановича, котораго Онъ возлюбилъ“. Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой. Посрамленные мятежники бѣжали въ Тушино.

Гермогенъ писалъ въ Тушино и ко всѣмъ измѣнникамъ двѣ грамоты съ увѣщаніями русскимъ людямъ опомниться и отстать отъ измѣны; въ нихъ онъ пишетъ: „Обращаюсь къ вамъ, такъ начинается первая грамота, бывшимъ православнымъ христіанамъ, а теперь не знаемъ, какъ и назвать васъ; ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ Церкви. Вы отступили отъ Богомъ вѣнчаннаго и св. елеемъ помазаннаго царя Василія Ивановича; вы забыли обѣты православной вѣры нашей, въ которой мы родились, крестились, воспитались и возрасли; преступили крестное цѣлованіе и клятву стоять до смерти за домъ Пресвятой Богородицы и за московское государство. Болитъ моя душа, болѣзнуетъ сердце, и всѣ внутренности мои терзаются, всѣ составы мои содрогаются. Посмотрите, какъ отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца; а мы, поданной намъ власти, примемъ васъ, и всѣмъ соборомъ будемъ молить о васъ Бога, и упросимъ государя простить васъ; онъ милостивъ и простить васъ.

„Мы ждали, что вы содрогнетесь, убоитесь праведнаго Судии, обратитесь къ покаянію. А вы упорствуете и разоряете свою вѣру, ругаетесь надъ св. церковью, проливаете кровь своихъ родственниковъ и хотите окончательно опустошить свою землю. Не ко всѣмъ пишемъ это слово, но къ тѣмъ, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ, преступили крестное цѣлованіе, отѣхали и измѣнили царю государю Василію Ивановичу и всей землѣ и особенно Богу. Бога ради познайте себя и обратитесь; обрадуйте своихъ родителей, своихъ женъ и чадъ, и всѣхъ насъ. И мы станемъ молить за васъ Бога и бить челомъ государю, а вы знаете, что онъ мило-

стивъ и отпустить вамъ ваши вины. Мы съ радостію и любовію примемъ васъ, и не будемъ порицать васъ за измѣну, ибо одинъ Богъ безъ грѣха \*).

Увѣщанія Патріарха благотворно подѣйствовали на вѣрныхъ сыновъ родины, и Царь Василій Ивановичъ Шуйскій остался на престолѣ. Но измѣнники составляли злостный заговоръ противъ Царя, замышляя убить Его, но по милости Божіей, за молитвы Святѣйшаго Патріарха Гермогена имъ не удалось совершить это злодѣйство. Затѣмъ дѣла Тушинскаго вора стали терпѣть неудачи. Города, выведенные изъ терпѣнія злодѣйствомъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ изъ Тушина, стали снова одинъ за другимъ переходить на сторону Царя Василя Ивановича. Крестьяне, озлобившись на тушинскихъ воровъ, собирались толпами, били и топили всѣхъ попавшихся клятвопреступниковъ—измѣнниковъ. Въ этотъ моментъ, съ сѣвера шелъ на спасеніе Москвы бояринъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій съ отрядомъ шведовъ подъ начальствомъ Делагарди, а съ запада подходилъ къ Смоленску польскій король Сигизмундъ. Овладѣть Москвой Тушинцы не могли. Правительственные московскіе войска 25 іюня отбили ихъ нападеніе на Ходынку и многихъ взяли въ плѣнъ. Полякамъ былъ данъ приказъ королемъ Сигизмундомъ оставить Тушинскій лагерь и явиться къ нему подъ Смоленскъ. Тушинскій лагерь сталъ приходить въ растройство; видя полную неудачу самъ воръ въ февралѣ 1610 года оставилъ свой лагерь и бѣжалъ въ Калугу, а въ первыхъ числахъ марта проклятый Тушинскій лагерь былъ преданъ огню.

*Геромонахъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

У.

## Безвѣріе и вѣра.

Протоіерей—подвижникъ о. Веніаминъ Соколовъ 5 лѣтъ тому назадъ видѣлъ въ гор. Вильнѣ въ Св. Духовомъ храмѣ, гдѣ открыто почиваютъ чудотворныя мощи 3-хъ Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія († 14 апрѣля), какъ одинъ господинъ, недовѣряя истинности мощей, дерзнулъ взять рукой своею за ногу одного изъ святыхъ мучениковъ. Держа

\*) „Воззваніе патріарха Гермогена ко всему русскому народу“... Ист. Хрест. Галахова 1848 г. Стр. 373—375.



## IV

## Неустрашимый исполнитель долга присяги\*).

(Продолжение).

„Стояль февраль. Шла стужа за метелью.

Сожженная Москва несла позорный плѣнь. . .

Въ студеное, сырое подземелье

Низвержень былъ владыка Гермогенъ. . .

Царемъ уже измѣна нарекала

Родной своей страны исконнаго врага,

Изъ рукъ его пронырливо искала

Богатствъ и почестей. . . Казалось, недолга

Уже борьба. . . Челомъ билъ Владиславу

Самъ патріархъ, синклитъ боярскій, вся земля. . .

Всевластно гордый ляхъ творилъ расправу

И судъ въ стѣнахъ священнаго Кремля.

Холодный сумракъ, ужасъ заточенья,

Голодной смерти все сильнѣй растущій страхъ,

Казалось, старца сломать противленіе,

И смолкнетъ обличенье на устахъ. . .

И патріархъ благословить измѣну,

И Русь, и вѣру едасть на милость короля. . .

Но духъ великій данъ былъ Гермогену

—И умеръ онъ. . . А русская земля

Воскресла, искупивъ его страданьемъ

И чистотой свои безмѣрные вины.

Внимая страшной вѣсти съ содраганьемъ,

Поднялись къ мщенью всѣ концы страны.

\* \* \*

\*) Смолр. „Голосъ Долга“ 1912 г. № 5.

Межь городами грамоты летѣли,  
Молясь и каясь, Русь вездѣ собирала рать,  
Съ весной прошли и стужи, и метели,  
И лучь согрѣль сырую землю мать,  
Слалъ смѣлые призывы Діонисій,  
Пожарскій съ Мининымъ въ челѣ стояли силъ;  
Святой страдалецъ ихъ съ небесныхъ высей  
Благословлялъ... побѣды имъ просилъ.

\*

Такъ Русь окрѣпшею вышла изъ горнила  
Братоубійства, лжи, коварства и измѣнъ,  
И выбрала на царство Михаила,  
Кого предрекъ святитель Гермогенъ“

*Н. Р.*

(Душ. Чт. 1912 г. Февраль).

Русскіе измѣнники, находившіеся въ Тушинѣ, видя, что самозванцу не удался злой замысль, боялись возвратиться въ Москву, и вмѣстѣ съ поляками направились къ королю Сигизмунду подѣ Смоленскъ и просили на Московское царство королевича Владислава. Во главѣ русскихъ измѣнниковъ былъ — бояринъ Михаилъ Салтыковъ. Они согласились признать Владислава Московскимъ царемъ на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы была неприкосновенность православной русской вѣры, неприкосновенность правъ высшихъ сословій, переменна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли, никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми, людей высшихъ чиновъ невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ.

Смута способствовала Сигизмунду осадить Смоленскъ и потребовать Московскій престолъ для своего сына Владислава. Разбивъ Тушинскаго вора, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій выступилъ противъ Сигизмунда на освобожденіе отъ непріятели Смоленска, но къ сожалѣнію у Московскаго войска не стало боевого и опытнаго полководца Скопина-Шуйскаго, который скончался въ апрѣлѣ скоропостижно. Главнымъ полководцемъ Московскаго войска, выступившаго противъ поляковъ, былъ братъ Царя Димитрій Шуйскій. 23 іюня было сраженіе при деревнѣ Клушино, но къ несчастію Московское войско было разбито Гетманомъ Жолкѣвскимъ, который послѣ

сего безпрепятственно двинулся къ Москвѣ. Попадавшіеся по пути города и селенія сдавались безпрепятственно. Жолкѣвскій ухитрился съ дороги послать своихъ агентовъ съ грамотами, въ которыхъ обѣщаль Россіи спокойствіе и благоденствіе при условіи, если Царемъ будетъ избранъ королевичъ Владиславъ. Грамоты эти разносились и разбрасывались всюду и вездѣ. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій оказался безсильнымъ, чтобы предупредить эту злостную пропаганду. Тушинскій-же воръ собралъ около себя вновь шайку своихъ приверженцевъ и двинулся изъ Калуги къ Москвѣ; дошедши до села Коломенскаго, остановился. Положеніе Шуйскаго становится все хуже и хуже и не видѣлось никакой надежды на благополучный исходъ. Дни царствованія его приближались къ концу. Заговорщики рѣшили свой преступный заговоръ привести въ исполненіе, и 17 іюля въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ противъ Царя Василя Ивановича. Заговорщики во главѣ съ Ляпуновымъ пришли къ царю и Ляпуновъ дерзко сталъ говорить: долго-ли за Тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ Твое правленіе, сжался надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ“. Царь думалъ пристращать толпу угрозами и съ бранными словами отвѣчалъ Ляпунову: „смѣль ты мнѣ говорить это, когда бояре ничего такого мнѣ не говорятъ“, и вынулъ ножъ, чтобы еще болѣе испугать мятежниковъ. Но окаяннаго измѣнника, потерявшаго совѣсть, Ляпунова трудно было запугать. Онъ, какъ звѣрь, закричалъ: „не тронь меня, а то возьму тебя въ руки, да такъ и сомну всего“. Даже товарищи Ляпунова устыдились его грубости и закричали ему: „пойдемъ прочь отсюда“ и вышли на лобное мѣсто, куда собралась большая толпа народа, привели сюда насильно и Патріарха Гермогена. Народъ, собравшійся въ такомъ количествѣ, не помѣщался на площади; тогда Ляпуновъ направилъ толпу за Москву рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ. Здѣсь измѣнившіе долгу присяги бояре, дворяне, гости и торговые люди, подъ видомъ якобы благонамѣренности, сговаривались между собою, какъ бы Московскому государству не быть въ раззореніи, и приговорили бить челомъ Государю Царю Василю Ивановичу, чтобы онъ, Государь, царство оставилъ, потому что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, Государь, несчастливъ, и города украинскіе, которые прежде отступали къ вору, его, Государя, на царство не хотятъ. Всѣ присутствующіе на это согласились; только одинъ Патріархъ Гермогенъ мужественно стоялъ за Царя, плакалъ, увѣщевалъ, заклиналъ удержаться отъ такого злодѣянія. Его только неустрашимый

голосъ раздался за Царя Помазанника Божія. Онъ неустрашимо стоялъ за Царя, по присягѣ, какъ за законнаго Государя, вѣнчаннаго Церковью на царство. Онъ не палъ духомъ и не убоился, что одинъ остался, но съ достоинствомъ исполнилъ долгъ присяги, взывая къ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія Божія, что измѣна Царю есть страшное злодѣяніе, за которое грозно накажетъ Богъ и что она не избавитъ Россіи отъ бѣдствій, а еще глубже погрузитъ ее въ ихъ бездну. Но сердцами народа настолько завладѣлъ діаволь, что увѣщанія любимаго народомъ старца Патріарха не подѣйствовали и Царь Василій Ивановичъ въ тотъ же день былъ низверженъ и удаленъ изъ Кремля въ свой домъ на Арбатѣ. . . . На другой день Патріархъ выходитъ еще на площадь съ увѣщаніемъ къ народу въ защиту Шуйскаго, но измѣнники—клятвопреступники успѣли уже насильно чрезъ подговоренныхъ Чудовскихъ іеромонаховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ постричь Его въ монахи. Не смотря на то, что Царь рѣшительно отказался отъ постриженія, громко кричалъ: „не хочу!“ При постриженіи Ляпуновъ держалъ руки, чтобы Онъ не отмахивался, а соумышленникъ его князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты; одѣвъ его въ иноческія одежды, увезли въ Чудовъ монастырь, заключивъ въ тѣсной келліи. Царицу Марію также насильно постригли въ монахини въ Вознесенскомъ монастырѣ. Она рвалась изъ рукъ, стонала, звала супруга своего, называя его милымъ Государемъ, кричала, что будетъ называть его своимъ мужемъ и въ монашествѣ. Никто не воспротивился такому святотатственному насилію надъ Царемъ и Царицей; одинъ только Патріархъ Гермогенъ оставался вѣрнымъ долгу присяги: онъ объявилъ постриженіе Царя и Царицы не дѣйствительнымъ, какъ насильное, торжественно за нихъ молился въ храмахъ, какъ Помазанниковъ Божіихъ Царя и Царицу Россіи, торжественно проклиналъ измѣнниковъ, а инокомъ признавалъ не Василія Шуйскаго, а князя Тюфякина, произносившаго за Него обѣты. Патріархъ использовалъ все средства въ пользу Царя Василія Ивановича Шуйскаго, но ничто не помогло. Измѣнники остались глухи, какъ аспиды. Но и послѣ сего Патріархъ Гермогенъ не упалъ духомъ, не потерялъ своего мужества и бодрости, но бдительно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, надѣясь и вѣря въ независимость отечества и неприкосновенность св. Православной церкви.

Поляки совмѣстно съ измѣнниками не дремали, а дѣлали свое коварно-злостное дѣло. Они всюду разсылали свои прокламаціи, возбуждая ненависть противъ Царя Василія, что якобы чрезъ него происходятъ все бѣд-

ствія и неурядицы. Поляки добивались, чтобы Царя Василя Ивановича отправить плѣнникомъ къ королю Сигизмунду. Многіе изъ русскихъ по своей недалковидности думали, что дѣлаютъ благо родинѣ, а между тѣмъ исполняли коварный польскій планъ. Первосвятитель Русской церкви своимъ проницательнымъ умомъ видѣлъ грозившую величайшую опасность Россіи и Церкви, почему онъ бодро стоялъ на стражѣ и твердо держалъ святительскій посохъ и какъ одинъ изъ выдающихся героевъ этого ужаснаго времени, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для спасенія Россіи.

Послѣ сверженія Василя Ивановича Шуйскаго, править государствомъ стала Боярская Дума, подѣ председательствомъ князя Мстиславскаго. Первымъ вопросомъ новаго правительства явилось избраніе Царя. Мстиславскій высказался за избраніе польскаго королевича Владислава, чѣмъ немедленно было бы оставлено участіе поляковъ въ русскихъ неурядицахъ и смутахъ. Патріархъ Гермогенъ понималъ выгоды избранія Владислава, но вмѣстѣ съ симъ видѣлъ ясно и ту опасность Церкви и Государству, при избраніи его, а потому твердо и рѣшительно возсталъ противъ предложенія Мстиславскаго, а предлагалъ избрать на престолъ или князя Голицына, отличавшагося своимъ недюжиннымъ умомъ и твердостью, или же Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ ближайшаго родственника Царя Іоанна Грознаго по супругѣ его Анастасіи Романовнѣ. Святитель установилъ по всѣмъ церквамъ русскимъ моленіе; „о избраніи на престолъ царскій отъ корени російскаго рода, но не изъ иноземцевъ“. Но такъ какъ смута усилилась настолько, что уничтожить ее русскимъ боярамъ казалось безъ помощи поляковъ невозможнымъ, а увѣщанія Патріарха остались безсильными. Но онъ всетаки настаивалъ на избраніи Царя не изъ поляковъ, а изъ русскихъ, не разъ онъ плакался предъ всѣмъ народомъ и просилъ его молить Бога, чтобы Богъ воздвигъ Царя русскаго.

Но такъ какъ бояре, настроенные польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, упорно стояли на своемъ, а дальнѣйшее продолженіе смуты грозило ужасной опасностью для Государства, то Патріархъ наконецъ вынужденъ былъ согласиться, но предварительно принявъ со своей стороны всѣ предохранительныя зависящія отъ него мѣры къ Церкви и Государству. Онъ требовалъ, чтобы Владиславъ принялъ православіе и крестился.

Когда бояре заключили съ Жолкѣвскимъ договоръ для огражденія православной вѣры, то пошли за благословеніемъ къ Патріарху, который сказалъ: „Если вы не помышляете нарушить православную вѣру, да пребудетъ надъ вами благословеніе, а иначе: пусть на васъ ляжетъ проклятіе

четырехъ патріарховъ и нашего смиренія; примите вы месть отъ Бога, наравнѣ съ еретиками и богоотступниками!“ „Для переговоровъ съ Сигизмундомъ была отправлена подъ Смоленскъ депутація: ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, келарь Троице-Сергіевой Лавры Авраамій Палицынъ и др., которымъ была дана инструкція, чтобы королевичъ обязательно принялъ православіе. Патріархъ послалъ съ депутаціей письмо къ Сигизмунду, въ которомъ писалъ: „Великій самодержавный король даруй намъ сына своего, котораго возлюбилъ и избралъ Богъ въ цари, въ православную греческую вѣру, которую предрекли пророки, проповѣдали апостолы, утвердили св. отцы, соблюли все православные христіане, которая красуется, свѣтлѣетъ и сіяетъ, яко солнце. Даруй намъ царя, съ вѣрою принявшаго св. крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ нашу православную греческую вѣру, ради любви Божіей, смилуйся, Великій Государь, не презри этого нашего прошенія, чтобы и вамъ Богу не погрубить и насъ богомольцевъ, и несчастный народъ нашъ не оскорбить“. Патріархъ также отправилъ свою грамоту и королевичу Владиславу, въ которой увѣщевалъ принять греко-восточную російскую вѣру и изображалъ предъ нимъ величіе православной Россіи. Весьма трогательно было прощаніе Патріарха съ посольствомъ, онъ слезно умолялъ и „укрѣплялъ пословъ на подвигъ, яко мучениковъ, хотящихъ мучиться, даже до смерти не щадити живота своего ради вѣнцевъ небесныхъ за таковыя подвиги“. Митрополитъ Филаретъ Никитичъ далъ обѣщаніе „лучше умереть за православную вѣру, нежели учинить что-либо противное и постыдное“. Въ заключеніе всего Патріархъ Гермогенъ сказалъ: „идите, Богъ съ вами и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы, иже въ Россіи просіявшіе, наши заступники и хранители: Петръ и Алексѣй, Іона и Сергій и Димитрій чудотворецъ, и святой многострадальный благовѣрный царевичъ Димитрій“. Тяжелая миссія выпала на посольство, прибывшее къ Сигизмунду 7 октября. Предчувствіе Патріарха Гермогена не обмануло. Король Сигизмундъ не давалъ посламъ рѣшительный отвѣтъ, держа ихъ въ своемъ станѣ плѣнниками, даже потребовалъ къ себѣ низложеннаго Царя Василя Ивановича Шуйскаго. Войска, находившіяся подъ Москвою подъ командою Гуснѣевского, смѣнившаго Жолкѣвскаго, ввели въ Москву и заняли Китай-городъ и даже Кремль, распоряжаясь въ Русскомъ Государствѣ, какъ у себя въ Польшѣ. Жолкѣвскій, уѣзжая къ Сигизмунду, захватилъ съ собою постриженнаго Царя Василя Ивановича Шуйскаго. Поляки въ Москвѣ вели себя возмутительно дерзко, оскорбляя религіозное чувство и человѣческое досто-

инство москвичей. Теперь только поняли, что русскіе попали въ коварную сѣть поляковъ. Лучше всѣхъ это сознавалъ Патріархъ; онъ твердый, яко столпъ и адамантъ, воинъ Христовъ мужественно говорилъ сторонникамъ Владислава: „чада паствы моя, послушайте словесъ моихъ! Что веуете и ввѣряете души свои поганымъ полякамъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, причастіе со злохищными волки: вы кротцы о Христѣ, сіи же дерзостны о сатанѣ. Вѣсте сами, яко издавна православная наша христіанская вѣра греческаго закона отъ иноплеменныхъ странъ ненавидима: кіими же правы примиримся со иноплеменники сими“?\*) Справедливо замѣчаетъ одинъ писатель: „аще бы такихъ великихъ и крѣпкихъ и непоколебимыхъ столповъ было у насъ не мало, никакоже бы въ нынѣшнее злое время отъ такихъ душепагубныхъ волковъ, отъ видимыхъ враговъ, отъ чужихъ и отъ своихъ, святая и непорочная вѣра наша не пала, наипаче бы просіяла, и великое бы наше море безъ поколебанія и безъ волненія стояло“ (\*\*).

Сигизмундъ достигнувъ того, что всѣ опасные для него враги оказались въ его рукахъ, отказался отъ всѣхъ предложенныхъ условій и самъ сталъ добиваться Московскаго престола. Онъ старался чрезъ подарки и придворные чины пріобрѣсть своихъ сторонниковъ среди бояръ. Онъ требовалъ, чтобы вмѣсто Владислава русскіе присягнули ему самому и уже началъ издавать указы отъ своего имени относительно русскихъ государственныхъ дѣлъ. Онъ ничтоже сумняся сталъ считать Россію покоренною провинціею Польши. Грозило гибелью и православной вѣрѣ и русской народности. Моментъ былъ ужасный. Бояре стояли за польскаго королевича, въ своей недалёковидности не предвидя ожидаемой опасности; Москва была во власти поляковъ; смута и измѣна все увеличивалась и увеличивалась; сыны отечества; сыны отечества, вѣрные долгу присяги, преслѣдовались. . . Въ эту критическую минуту остался одинъ несокрушимый борецъ Патріархъ Гермогенъ, какъ писалъ современный писатель „былъ единъ и уединенъ“ . . .

Никто не могъ и подумать, что онъ въ своемъ одиночествѣ могъ поднять Россію противъ поляковъ и самозванца на кровавую и непримиримую борьбу. Боже сохрани, если бы и онъ, будучи твердымъ адамантомъ и столпомъ Церкви и Государства, въ этотъ тяжелый моментъ поколебался, изнемогши въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ, гонимый, хотя-бы допустилъ мысль,

\*) Собр. госуд. грам. и договор. т. II, № 201, стр. 230.

\*\*\*) Русск. истор. библ., т. XIII, ст. 208.

что путемъ уступокъ и угодничества Польшѣ и католичеству можно спасти хотя часть историческихъ сокровищъ Россіи, тогда конечно нѣтъ сомнѣнія, что Россія кончила-бы свое самобытное существованіе. Самъ Богъ укрѣпилъ этого великаго и несокрушимаго столпа и онъ остался вѣрнымъ своему долгу, непоколебимо пребывая на стражѣ Церкви и Государства, какъ храбрый воинъ стоя на своемъ посту. Онъ является главнымъ спасителемъ родной отчизны отъ грозившей опасности, ибо уже за нимъ дружными рядами пошло все русское православное духовенство. Промысль Божій видѣлъ, что „иному некому пособити ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ“, и воздвигъ его, какъ великаго героя на страну Россіи. Онъ слѣдилъ за каждымъ даже тайнымъ шагомъ враговъ, стремясь поднять противъ нихъ всю силу Церкви и еще неугасшія за его молитвы въ народѣ духъ русской государственности и русской народности. 30 ноября 1610 года въ патриаршія палаты явились Салтыковъ и Андроновъ, требуя благословенія, чтобы народъ далъ присягу Сигизмунду, говоря, „все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати самому королю“. Но бесполезно было это коварное дѣло. Патриархъ властно и рѣшительно отказался дать свое благословеніе на такое беззаконіе. Но 5 декабря бояре во главѣ съ Метиславскимъ снова явились къ Патриарху, подавъ ему для подписи грамоту, въ которой русскимъ посламъ, находящимся подъ Смоленскомъ, совѣтовалось, чтобы они во всемъ положились на королевскую волю, и вмѣстѣ съ симъ просили усмирить Прокопія Ляпунова своею духовною властію. На это Патриархъ безбоязненно отвѣтилъ: „Пусть король дастъ своего сына на Московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, а королевичъ пусть приметъ греческую вѣру. Если вы напишите такое письмо, то я къ нему свою руку приложу. А чтобы такъ писать, что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, то я этого никогда не сдѣлаю, и другимъ не приказываю такъ дѣлать. Если же меня не послушаете, то я наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что послѣ такого письма намъ придется цѣловать крестъ польскому королю. Скажу вамъ прямо: буду писать по городамъ,—если королевичъ приметъ греческую вѣру и воцарится надъ нами, я имъ подамъ благословеніе; если же воцарится, да не будетъ съ нами единой вѣры, и людей королевскихъ изъ города не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ, которые ему крестъ цѣловали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти“. Такое рѣшительное и мощное слово Патриарха озлобило пришедшихъ измѣнниковъ, а особенно Салтыкова, который, съ наглыми ругательствами наступалъ на Патриарха и даже замахнулся



на него ножемъ. „Я не боюсь твоего ножа,“ сказала Святитель Христовъ; крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семь вѣкѣ и будущемъ“. „Это твое начало, господинъ“, отвѣчалъ Патріархъ предсѣдателю боярской думы — князю Мстиславекому: „ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ больше другихъ подвизаться за вѣру православную; а если ты прельстишься, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою и родъ твой возметъ отъ земли живыхъ и не останется никакого изъ рода твоего въ живыхъ“. Эти страшные слова Патріарха устрашили присутствующихъ, даже самый закоренѣлый измѣнникъ Салтыковъ пришелъ въ сильное волненіе, сталъ просить у Патріарха прощенія, оправдываясь говоря, что „безуменъ былъ и безъ памяти говорилъ“. Когда ушли бояре, Патріархъ серьезно вдумался въ положеніе дѣла и не могъ успокоиться, не довѣряя искренности тѣхъ, которые только что просили у него прощенія. Политическое положеніе было настолько серьезно, что люди съ ограниченнымъ умомъ поняли и оцѣнили заслуги Патріарха въ Москвѣ, потерявшей не только Государя, но и правильный боярскій совѣтъ. „Людіе московскіе, по свидѣтельству оубтописей, видя надъ собою такое зло отъ польскихъ и литовскихъ людей, и королево то неправдованіе, — вси возставши отъ горести сердца и плачущеся неутѣшно, приходили къ святителю Гермогену, Патріарху Московскому и всея Россіи, и припадаху предъ нимъ съ великимъ плачемъ, повѣдующе свою гибель“. На другой день Святитель, не смотря на то, что по городу ходили польскіе патрули, разослалъ своихъ дворовыхъ людей собирать народъ въ Успенскій соборъ. Здѣсь онъ съ церковнаго амвона выяснилъ народу о приближающейся грозной опасности положенія Церкви и Государства и строго запретилъ присягать польскому королю Сигизмунду, убѣждая народъ стоять до послѣдней капли крови за вѣру православную и за свое родное Отечество, политое слезами и кровью своихъ предковъ. Это историческое вдохновенное слово Первосвятителя Православной русской церкви громовымъ раскатомъ разнеслось среди московскихъ патріотовъ, а чрезъ нихъ и во всѣ концы погибающей отчизны. Хотя поляки всѣ мѣры предпринимали, дабы не дать совершиться этому рѣшительному моменту, но Богъ устроилъ, якоже хочетъ Онъ. Съ этого момента поляки окружили Патріарха строгимъ надзоромъ и стража слѣдила за нимъ. Но поздно, начало народному возстанію за святую Русь положено, слово Патріарха, какъ громъ разнеслось по Государству, созывая сплотиться на защиту Церкви и Государства.

Плоды его словъ свидѣлствуется жителями Ярославля, писавшими послѣ сего свои грамоты, въ которыхъ говорилось: „Если бы Патріархъ Гермогенъ не учинилъ такого досточуднаго дѣла, то никто, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, не смѣлъ-бы молвить ни одного слова“.

### *Иеромонахъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## V

### **Чудо милости Божіей по молитвамъ преподобнаго Серафима.**

Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года дочь моя Соня, 5-ти лѣтъ, перенеся коклюшъ въ тяжелой формѣ, заболѣла воспаленіемъ надкостницы. Мѣстный фельдшеръ призналъ болѣзнь очень опасной и совѣтовалъ обратиться къ врачу. Черезъ 2 дня дѣвочкѣ стало очень худо: громадная надъ правымъ ухомъ опухоль, страшная боль, повышенная температура, по ночамъ бредъ.

2-го мая жена моя съ больной дѣвочкой поѣхала за 18 верстъ въ сосѣднее село на пунктъ, чтобы показать врачу. Женщина—врачъ мѣстнаго пункта нашла болѣзнь настолько серьезной, что, не прописавъ лѣченія, настаивала какъ можно скорѣе ѣхать въ г. Ярославль къ хирургу; по ея словамъ, единственное спасеніе дѣвочки операція очень серьезная (долбленіе черепа), но что „иначе ничего подѣлать нельзя“.

Положеніе больной къ этому времени еще болѣе ухудшилось; жена, крайне встревоженная, послала мнѣ телеграмму, чтобы немедленно выѣзжать. Утромъ 3-го мая (Вознесеніе Господне), отслуживъ литургію, я спѣшно поѣхалъ въ село Глѣбово, предполагая, что случилось несчастье! Но каково же было мое удивленіе и радость, когда, подѣзжая къ дому, гдѣ была жена съ дочерью, я увидѣлъ свою Соню бѣгущую ко мнѣ весело и въ праздничномъ нарядѣ. На вопросъ женѣ: „что это значитъ“, она сообщила мнѣ слѣдующее:

Встревоженная сообщеніемъ врача, она пошла къ мѣстному священнику (моему брату) посоветоваться. Жена брата (очень религіозная женщина) посоветовала ей, не откладывая поѣздки въ Ярославль, обратиться къ не-

сий. По истинѣ въ богоугодной жизни о. Власія оправдываются слова священика писанія: „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“, ибо ради него, Господь сотворилъ велие чудо, нисколько не поколебавъ того селенія, въ которомъ добрымъ подвигомъ подвизался избранный Его. Пока будутъ существовать на землѣ праведники, они своими молитвами будутъ умолять Правосудіе Божіе за беззаконія наши. Дай, Богъ, чтобы не прекращалось это святое сѣмя, которымъ держатся царства и народы.

## IV

### Неустрашимый исполнитель долга присяги \*).

(Продолженіе).

Онъ умеръ, но дѣло его не кончалось: онъ дошелъ до Оты Нижняго города волжская вратъ и дошелъ до и до Оты Казанской Святины къ Москвѣ подвигалась, чтобы жизнь за отчизну святую отдать. Народъ пожарскій и Мниинъ исполнили волю о своемъ умирающемъ. И слово святителя русской земли: „Отъ ляховъ очистили родину съ бою, въ Кремль святорусскій со славою вошли, Завѣтъ Гермогена народъ выполняетъ, Какъ свыше ниспосланный Господомъ даръ, Изъ русскаго рода Царя выбираетъ, Изъ честныхъ и древнихъ друживныхъ бояръ, Вся Русь православная Бога молила, Да по сердцу дастъ ей владыку Отецъ, И выбрать на царство народъ Михаила, О Довни въ роду Его русскій вѣнецъ“ (\*\*).

Противъ воли Патріарха бояре — измѣнники послали грамоты послать подь Смоленскъ якобы отъ имени Гермогена, съ распоряженіемъ отдаться во всемъ на волю короля. Когда же Митрополитъ Филаретъ Никитичъ и Голицинъ получили грамоты, то не видя въ нихъ подписей Патріарха,

\* См. „Голосъ Долга“ 1912 г. № 6.

\*\* Св. Сл. В. Васюковъ.

сказали, что грамоты за подписью однихъ бояръ для нихъ необязательны, такъ какъ ихъ отпускали не одни бояре, а и Патріархъ и всѣ люди вмѣстѣ. Поляки громогласно и дерзко говорили, что Патріархъ лицо духовное и въ гражданскія дѣла вмѣшиваться не долженъ. Послы мужественно безъ страха отвѣтили: „Изначала въ русскомъ государствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государемъ рядомъ; теперь же мы стали безгосударны и патріархъ у насъ челоуѣкъ начальный“. Затѣмъ Салтыковъ отъ имени бояръ присылаетъ грамоту съ приказомъ, чтобы послы приказали жителямъ Смоленска сдать городъ Сигизмунду. Такую дерзкую измѣнническую грамоту послы также безъ подписи Патріарха не признали и на самомъ дѣлѣ, могли-ли они дать приказъ смолянамъ, измѣнить своей присягѣ, сдать городъ полякамъ? Нѣтъ, они съ озлобленіемъ и презрѣніемъ отвѣтили измѣнникамъ, принесшимъ грамоту: „Богъ и русскіе люди никогда не простятъ намъ этого, и земля насъ не понесетъ“.

Наконецъ, коварство поляковъ и замыслы подчинить русскую землю себѣ стали ясны русскому народу. Начало рости недовольство поляками. Въ Москвѣ вѣрными патріотами открыто высказывалось слѣдующее: „Мы по глупости выбрали ляха въ цари, однако не съ тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ ляхамъ; время раздѣлаться съ ними“. Ненависть столичнаго населенія къ полякамъ выражалась все сильнѣе и сильнѣе. . . . На рынкѣ съ поляка торговцы запрашивали вдвое, чтобы хоть этимъ сорвать съ него часть своего озлобленія. По преданію, святые отвращали свои лики отъ неистовствъ и злодѣйствъ поляковъ, и въ Москвѣ еще теперь показываютъ „отвращенный“ образъ Николы Чудотворца, въ церкви св. Іоанна. Много лѣтъ спустя, русскіе люди не могли безъ ужаса вспомнить о пребываніи въ Москвѣ поляковъ и о томъ, что они въ ней допускали. 11-го декабря 1610 года погибаетъ второй самозванецъ—Тушинскій воръ, злой насильственной смертью, ибо онъ былъ убитъ въ Калугѣ. Сигизмундъ со своими приверженцами теперь рѣшилъ отложить походъ въ Москву, а приступилъ къ усиленной осадѣ Смоленска. Патріархъ, видя, что пришелъ такой критическій моментъ—быть или не быть Россіи, выступаетъ въ рѣшительный бой съ врагами Россіи. Онъ призвавъ благословеніе Божіе, властною рукою сталъ поднимать русскій народъ не только въ Москвѣ, но и по всѣмъ областямъ и селеніямъ уже на вооруженную борьбу съ поляка-

милосердія въ преступныхъ измѣнникахъ. Святитель Христовъ не остановился предъ мыслию, дѣло ли Патріарха, служителя Церкви, дѣлаться въ политику? призывать къ браннымъ орудіямъ по стопамъ своихъ великихъ предшественниковъ, принимавшихъ самое действительное участіе въ дѣлахъ народно-государственныхъ и удѣлствовальное завѣтамъ Церкви, которая въ лицѣ преподобнаго Сергія вооружила мечами и козьями своихъ схимонаховъ и послала ихъ въ битву на поле Куликово! На рождествѣ оны стали писать грамоты для поднятія народныхъ волея, одушевляя російскихъ гражданъ на самоотверженную готовность не жалѣть жизни для спасенія вѣрныя родины. Оны, будучи представителемъ Апостольской Церкви, призвали въ своихъ грамотахъ вступить въ священную брань съ врагами Церкви Христовой. Оны и уснуло въ бесѣдахъ съ людьми, которые призвали къ нему, умоляя защитить и погубящую родину. Оны свои грамоты разсылали въ мѣстнахъ архіереевъ, прося ихъ чрезъ поддѣльных оныхъ протопоповъ, поповъ и діаконовъ, о чьихъ грамотахъ въ самыхъ ужасныхъ мрачныхъ краскахъ изображалъ тяжесть положенія Отечества, и особенно Москвы, гдѣ господами положенія явились дерзкіе злобно-метельные поляки, и убѣждали народныя ополченія немедленно идти на освобожденіе столицы. Голосъ неустрашимаго Святителя — патріота не остался безплоднымъ и покажетъ огонь въ сердцахъ русскихъ патріотовъ, которые стали собирать народныя ополченія для спасенія погибающей родины. Оны и вѣдѣла въ грамотахъ Патріарха была вылита вся боль и скорбь русской души, почему оны и производили потрясающее впечатлѣніе. Къ Гермогену приходили также послы изъ разныхъ городовъ, которыхъ оны съ слезами убѣждали стоять крѣпко за вѣру и отечество. За это поляки подвергли его ужаснымъ стѣпленіямъ: дворъ его былъ разграбленъ, слуги разбѣжались и некому было писать его посланія! Но писанныя грамоты Патріарха переносились живо въ всѣхъ городахъ и съ нарочитыми посланцами разсылались всюду и вездѣ по уздамъ. По прибытіи такихъ пославщиковъ, собирались сходки, постановлялись приговоры, люди вооружались, чѣмъ могли, сѣвши въ городъ и верхомъ и пѣшкомъ, везли порохъ, свинець, сухари, всякіе запасы. Въездѣ видѣлся подъемъ необычнаго патріотизма. Всюду и вездѣ слышались убѣжденные возгласы: „пойдемъ, умремъ за святая Божія церкви и за вѣру христіанскую“. Съ особенной энергіей работала вездѣ разсылка по городамъ грамотъ Проконій Ляпуновъ, котораго Патріархъ своимъ грознымъ словомъ убѣдилъ быть вѣрнымъ долгу присяги, противъ поляковъ, до доселѣ оны колебала и словомъ. Въ

какихъ только лагеряхъ заторты челоуѣкъ оно не бывалъ! Сначала оны были вылетаны Болотникова, откуда пришли къ намъ повинной о къ царю Василію Иоанновичу; затѣмъ оны он перешелъ на сторону его враговъ и участвовать вопреки волѣ Патріарха въ низведеніи съ престола Шуйскаго. Потомъ перешелъ на сторону партіи, передавшей королевицу. Особенно возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда изъ Смоленска въ январѣ 1611 года пришло въ Москву известіе о вѣсѣхъ ужасныхъ опасіяхъ и штурмомъ поляковъ. Въ грамотѣ изъ Смоленска умоляли не вѣрять королю и полякамъ, ибо они въ вѣсѣхъ въ городахъ и въ уѣздахъ Смоленской области отгдѣ только при вѣривали и продались, считили порушаніе Падѣ православной вѣрою, церкви разоряли и вѣсѣхъ православныхъ, обращали въ латинство, что опустерить королевича Владислава государемъ въ Москву въ Польшѣ и не думать, а семейство положили только вывести лучшихъ людей всей Московской землицы опустошить ее, и что если русскіе съхотятъ остаться православными и не сдѣлаться латинскими, то должны соединиться и общими силами прогнать отъ себя поляковъ. Прочитавъ эту грамоту, москвичи ужаснулись и долго не могли опомниться отъ ужаса и того злохитраго польскаго локваряго замысла, который онъ исполнялъ на погибель Россіи. Послѣ этого дѣла явилась непримиримая злоба противъ этихъ коварныхъ враговъ и воодушевившись пламеннымъ патріотизмомъ, написали коимъ нибудь Смоленской грамоты и съ тронцами стали разсылать во вѣсѣ концы Россіи. Къ нему сами еще отъ себя добавили: «Радѣ Бога, Судѣ живыхъ и мертвыхъ будьте съ нами и заодно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ. У насъ корень царства здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной вступницы христіанъ, ибавный евангелистомъ Лукою; здѣсь великіе святители Петръ и Алексѣй и Бона чудотворцы или вамъ православнымъ христіанамъ въ это время чѣмъ? Новѣрты, что вельды за предателями христіанства Михаиломъ Салтиковымъ и Ѳеодоромъ Андроновымъ съ товарищами идутъ только немногіе; а за у насъ православныхъ христіанъ, Матерь Божіи и московскіе чудотворцы и первобрестовникъ и апоетольской церкви, святители Гермогенъ патріархъ, прямо какъ сами пасть руду, свою полагають за вѣру христіанскую и несомнѣнно, а за вѣрныи слѣдуютъ всѣ православные христіане и Нижегородцы сообщали въ Вологду, 27-го января писали къ намъ изъ Рязани въведою Прокобій Лиуновъ и дворяне и всякіе люди рязанской области, что они по благословенію святителя Гермогена, патріарха Московскаго, обративше съ вѣрными и украинскими городами, и съ Калугою, идутъ изъ польскихъ и литовскихъ людей къ Москвѣ и намъ

бы также идти... И мы по благословенію и приказу святѣйшаго Гермогена, собравшись со всеми людьми изъ Нижняго и съ окольными людьми идемъ къ Москвѣ, а съ нами многіе ратные люди разныхъ и окольныхъ и низовыхъ городовъ“.

Великое, святое дѣло патріарха Гермогена съ изумительной быстротой шло изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе. Весь православный народъ воспламенился духомъ любви къ своей погибающей родинѣ. Со всѣхъ концовъ православной Руси несутся толпы въ Москву къ Патріарху за советомъ, наставленіемъ и благословеніемъ. Города воодушевляли и возбуждали другъ друга. Пришли въ движеніе: Ярославль, Казань, Владимірь, Суздаль, Кострома, Вологда, Соловецкая обитель, Поморская область, Новгородъ и Пермская страна, повсюду слышались слова: „патріархъ приказалъ“, „святѣйшій Гермогенъ благословилъ возстаніе на разорителей православной вѣры — ляховъ“. Собранные для спасенія родины ратные люди ходили по соборамъ и монастырямъ, служили молебны объ избавленіи отъ находящей бѣды, молились со слезами и, получивъ благословеніе отъ служителей Алтара Господня, выступали изъ городовъ при пушечной и ружейной пальбѣ, чтобы и прѣзжіе изъ другихъ городовъ люди знали о походѣ противъ враговъ и вездѣ увѣдомляли о томъ. Видя такой неожиданный патріотическій подъемъ духа среди вѣрныхъ долгу присяги русскихъ людей, даже служившіе доселѣ въ полкахъ сигизмундовыхъ бояре русскіе начали переходить къ Лянунову цѣлыми отрядами, а также и тушинскіе измѣнники, нѣкоторые испугавшись, а другіе одомившись, примкнули къ рядамъ народной дружины, давъ клятву быть вѣрными Московскому государству и законному государю, котораго Богъ поставитъ на царство. Всѣ забывали свои дома и семейства, ревностно устремились на защиту отечества, не щадя своей жизни. Только и слышалось въ этой священной рати, собравшейся во имя святой вѣры православной, отечественной свободы и независимости: Пожеланіе умереть за святую православную вѣру. Такъ по мановенію неустрашимаго исполнителя долга присяги Святѣйшаго Гермогена начала собираться священная рать на спасеніе своей гибнущей отчизны. Почти три мѣсяца съ января 1611 года до марта готовилось ополченіе и одновременно во второй половинѣ марта двинулось къ Москвѣ для изгнанія измѣнниковъ дружины 25 городовъ, изъ областей Рязанской, Сѣверской, Муромской, Низовской, Суздальской, Вологодской, Галицкой, Костромской и Ярославской. Жители городовъ и селеній, чрезъ которые проходили ополченія, усердно съ любовью встрѣчали защитниковъ отечества, вынося имъ хлѣбъ—

соль, святыя кресты и честныя иконы, напутствуя ихъ чистосердечными благожеланіями, громкими кликами и пальбою.

Видимо самъ Богъ помогаль патриарху Гермогену, ибо въ короткое время съ удивительной быстротой собралась великая рать на защиту отечества.

Во второй половинѣ декабря 1610 года патриархъ Гермогенъ открыто сталъ призывать народъ, а во второй половинѣ марта 1611 года многія ополченія уже подошли къ Москвѣ. Подходилъ и Ляпуновъ со своимъ ополченіемъ.

Въ Москвѣ было сильное волненіе и безпокойство. Когда поляки узнали, что народныя ополченія приближаются къ Москвѣ съ необычайной быстротой, то въ началѣ съ надменной гордостью стали готовиться къ ожесточенному отпору. Но увидавъ, что силы ихъ слабы противъ собирающагося ополченія, прибѣгли къ злобно-коварнымъ дѣйствіямъ. Они, а съ ними и русскіе бояре—измѣнники Отчествъ, перешедшіе на сторону Польши, запершись въ Кремль, явились къ Патриарху Гермогену и съ угрозою смерти стали принуждать его, чтобы онъ убѣдилъ русскія ополченія удалиться отъ Москвы. „Ты писалъ по городамъ, говорили Салтыковъ и Госнѣвскій; видишь—идуть на Москву. Отпиши же имъ, чтобы не ходили, а буде ты не станешь писати, и мы тебя велимъ уморить злою смертію“. Неустрашимый исполнитель долга присяги отвѣчалъ: „Если вы, измѣнники, и съ вами всѣ королевскіе люди выйдете изъ Москвы вонъ, тогда отпишу, чтобы они воротились назадъ. А не выйдете, такъ я, смиренный, отпишу имъ, чтобы они совершили начатое непременно. Истинная вѣра попирается отъ еретиковъ, и отъ васъ, измѣнниковъ; Москвѣ приходитъ разореніе, святымъ Божиимъ церквямъ заустѣніе; костель латыняне устроили на дворѣ Бориса. Не могу слышать латинскаго гвѣнія!“

Враги отчествъ послѣ этого подвергли мужественнаго патриарха суровому заключенію, чтобы не дать ему возможности имѣть сношенія съ явившимся подъ Москву ополченіемъ и не могъ-бы онъ воодушевлять и ободрять его. Заключили патриарха Гермогена въ Кремль въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, не допуская къ нему никого, гдѣ онъ испытывалъ ужасныя страданія отъ издѣвательства и жестокаго обращенія измѣнниковъ. Только, когда узнали о семъ ополчившіеся, то по ихъ требованію была дана Узнику нѣкоторая свобода и слуги.

Въ вербное воскресенье, 17 марта, патриархъ Гермогенъ совершилъ обычное торжественное шествіе на осляти. Госнѣвскій разставилъ по шло-



щадямъ полки поляковъ и отъ бѣмцевъ, опасаясь о народнаго возмущенія, въ громадной толпѣ, обычно собиравшейся на это изрѣвщю, по възвѣстѣ разд почти ни когоне было сопровождающихъ Патриарха, и никто не поспѣлъ за вербою, потому что разнесся слухъ, обудтотюлки и хотитывъ это время изрубить патриарха и собравшійся народъ. Патриархъ Гермогенъ, подражая шествію Господа нашего Иисуса Христа въ Иерусалимъ, внал вѣлбную страсть, самъ готовился къ мученической кончинѣ. Вѣроятно это въ замыслѣ и бытъ у измѣнниковъ, но почему-то не привели въ исполненіе, ибо Салтыковъ послѣ окончанія церковнаго обряда говорилъ полякамъ: „нынѣ бытъ случай — ни въ Москву не биле, ни такъ они васе возбудутъ бити“. Во вторникъ страстной недѣли 19 марта 1611 года вѣсныхнулъ въ Москвѣ мятежъ и народное возстаніе приступило къ вѣрительнымъ вѣдѣствіямъ: передовые отряды прибывшаго ополченія вступили въ Москву и овладѣхъ два дня, продолжалось кровопролитное сраженіе. Поляки, потерявъ надежду побѣдѣтъ русскихъ, уажгли Москву въ разныхъ концовали и внагли сео совершенно, кромѣ Кремля и Китай-города, гдѣ они ли русскіе измѣнники занерднѣ, надѣясь укрыться отъ огня и разгрома русскаго ополченія. Здѣсь поляки безчинствовали, разоряя церкви и монастыри, разбѣкая чудотворныя мощи, обдирая дорогіе оклады съ иконъ, пагло издѣвались надъ вѣмъ священнымъ для православнаго чловѣка. Патриарха Гермогена теперь заключили подѣ самый строжайшій надзоръ и никого къ нему не допускали и самого уже не выпускали. Мужественный исполнитель долга присяги остался одинъ и уединенъ среди враговъ. Но взоры вѣхъ русскихъ исполнителей долга присяги были устремлены на святителя — страстотерца. Все се замирашемъ сердца прислушивались къ его слову, какъ слову исходящему изъ устъ боговдохновеннаго мужа, устами котораго вѣщаль Духъ Божій. Онъ, великій страдалецъ земли русской, вѣрилъ и уповалъ на благополучный исходъ дѣлъ истерзанной родины. Онъ изъ тѣснаго и смраднаго своего подземелія посылалъ благословеніе уже избранному имъ въ душѣ молодому скиптродержцу Михаилу Феодоровичу Романову, родоначальнику нынѣ благополучно царствующей династіи.

Измѣнники еще пытались склонить Патриарха Гермогена на ихъ сторону. „Если ты, говорилъ Салтыковъ, напишешь Лянунову и его товарищамъ, чтобы они отошли прочь, то самъ умрешь злою смертію“. „Вы мнѣ общаете злою смертъ, — сказалъ Патриархъ, — а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Боюсь

лишь Единаго, тамъ Живущаго, причеъ указавъ рукою на небо: Не буду писать — я вамъ уже сказалъ, и болѣе отъ меня ни слова не услышите! Послѣ этого овраги орѣшили умерить неустрашимаго Святителя голодной смертыю и объявили его низверженнымъ съ патріаршаго престола, а вмѣсто него вывели изъ Чудова монастыря вѣже патріарха Игнатія, а поставленнаго первымъ Димитріемъ.

Между тѣмъ почти ежедневно шли сраженія ополченія съ поляками. Наступилъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, который измѣнники и малодушные встрѣчали въ Кремлѣ съ своимъ вѣже патріархомъ Игнатіемъ.

Не много пришлось торжествовать полякамъ среди разваливъ сожженной Москвы. На пасхальной недѣлѣ собралась подъ Москвою рать въ 100000 человекъ подъ начальствомъ Проконія Ляпунова и Заруцкаго князя Трубецкаго. Свѣтлаго времени начались ожесточенныя стычки русскихъ съ поляками, продолжавшіяся нѣсколько мѣсяцевъ, но къ сожалѣнію окончились неудачно, изъ-за пропсешаго разногласія между главными начальниками ополченія. Каждый изъ нихъ хотѣлъ быть больше другихъ. Въ концѣ іюля Ляпуновъ былъ побитъ казаками подъ начальствомъ атамана Заруцкаго, который замышлялъ провозгласить царемъ сына Маринны Мишекъ отъ Рупійскаго вора. Казаки учиняли подъ Москвою по городамъ грабежи и разбои. Ополченіе стало распадаться, служилые люди расходиться, правительственная власть перешла въ руки дворовыхъ вождей князя Трубецкаго и Заруцкаго. Казаки и казачье правительство были одинаково враждебны и полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ вмѣстѣ со сторонниками Сигизмунда изъ бояръ и приказныхъ людей, и старому Московскому порядку, на защиту котораго выступилъ Ляпуновъ съ служилыми людьми. Видя благоприятное время къ исполненію своего измѣнническаго замысла, атаманъ Заруцкій открыто провозгласилъ будущимъ царемъ сына Маринны Мишекъ. Между тѣмъ положеніе пословъ Филарета и Голицына подъ Смоленскомъ становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Наконецъ, 12 апрѣля, ихъ берутъ и отправляютъ въ заточеніе въ Маріенбургъ, въ Пруссію. 3-го іюня подъ Смоленскомъ произошло ожесточенное сраженіе, при которомъ геройски сопротивлялись жители Смоленска, но въ концѣ не могли устоять и Смоленскъ взять Сигизмундомъ штурмомъ.

Неустрашимый защитникъ и воевода Смоленска Шениъ и архіепископъ Сергій были взяты въ плѣнъ и отправлены въ заточеніе въ Литву. Сигизмундомъ и поляками торжествовали. Радость у нихъ была великая, жидковали

въ Польшѣ и въ Литвѣ, думая, что этимъ взятіемъ все кончено и Россіи пришелъ конецъ. Сигизмундъ распускаетъ войско, является на сеймъ въ Варшаву, гдѣ іезуитъ Скарга привѣтствуетъ короля со славной побѣдой и въ своей рѣчи не удержался, высказавъ свои коварные замыслы противъ Православія, а именно расширеніе католической вѣры среди схизматиковъ. Новгородъ отошелъ подъ власть шведовъ. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ какой-то діаконъ Сидорко. Въ нѣкоторыхъ областяхъ цѣловали уже крестъ „воренку“ сыну Марины Мнишекъ. Москва оказалась всецѣло во власти поляковъ. Повсюду шатались польскія и казацкія шайки, жгли все, убивали и мучили русскихъ людей. Лишившись жилищъ, не малю зимой замерзало русскихъ страдальцевъ по полямъ и дорогамъ. Появились въ разныхъ мѣстахъ шайки русскихъ людей, которыя нападали внезапно на поляковъ, открывая съ ними партизанскую войну. „Было тогда, говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время гнѣва Божія, что люди не чаяли себѣ спасенія; чуть не опустѣла вся земля Русская; и прозвали старики наши это лютое время—„Лихолѣтіе“, потому что тогда на Русской землѣ была такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра“.

Донеслась эта печальная вѣсть и до стратотерпца темничнаго узника

святителя Гермогена. 5-го августа 1611 года въ Кремль пробрался нѣкто

Родіонъ Мосѣвъ къ Патріарху Гермогену. И по волѣ Божіей удалось

Гермогену тайно отправить въ Нижній-Новгородъ свою, уже послѣднюю, пред-

смертную грамоту.

*Игуменъ Серафимъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

## V.

### Божіе наказаніе за непочтеніе родителей.

(Разсказъ старушки).

(Истинное происшествіе).

„Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долготеленъ будешь на земли“. (5-я заповѣдь).

Мужъ мой умеръ совсѣмъ молодымъ, оставивъ мнѣ троихъ сыновей. Состояніе у насъ было хорошее, а потому я всѣхъ дѣтей возрастила и

## III

**„Божественное откровеніе“.**

Въ жизни святаго Льва, папы Римскаго \*) мы читаемъ слѣдующее:

„Достигнувъ глубокой старости, и приблизившись къ скончанію дней своей земной жизни, святаго Левъ былъ извѣщенъ отъ Бога о прощеніи своихъ немощей человѣческихъ. Это произошло при такихъ обстоятельствахъ: папа Левъ пребылъ сорокъ дней у гроба святаго апостола Петра въ молитвѣ и постѣ, умоляя святаго апостола, чтобы онъ просилъ у Господа, да отпуститъ ему всеблагій Богъ его прегрѣшенія; по прошествіи сорока дней ему явился святаго апостолъ Петръ и сказалъ:

„Я молился за тебя, и отпущены тебѣ всѣ грѣхи твои, кромѣ грѣховъ, которые ты совершилъ при хиротоніи другихъ на священныя степени. Лишь о томъ ты долженъ будешь отвѣчать: законно ли ты рукоположилъ кого или нѣтъ“.

Послѣ сего извѣщенія святаго Левъ усилилъ свои молитвы, усугубилъ свой постъ, умножилъ свои милостыни, вопія въ сокрушеніи сердца своего до тѣхъ поръ, пока не получилъ отрады совершеннаго прощенія.

Какая страшная отвѣтственность! Простой человѣкъ будетъ отвѣчать только за себя, а епископъ хотя-бы и не имѣлъ своихъ личныхъ грѣховъ, невинный по своимъ дѣламъ, можетъ оказаться виновнымъ за грѣхи ввѣренной ему паствы, если не исполнитъ надлежащимъ образомъ всего, что до него касается. А потому, видя, какая угрожаетъ опасность епископамъ, должно оказывать имъ должную великую любовь, почтеніе и уваженіе.

## IV.

**Неустрашимый исполнитель долга присяги.**

(Окончаніе).

Эта послѣдняя предсмертная грамота была слѣдующаго содержанія: „Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протоіереемъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всему міру отъ патріарха

\*) Память 19 февраля.

Гермогена Московскаго и всея Россіи—миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и козацкому войску, чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и атаманьѣ говорили безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властямъ пишете-жь; также бы писали въ полки; да и къ Рязанскому владыкѣ пишете тоже, чтобы въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобы уняли грабежь, корчму и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, какъ реклись, души свои положить за Пречистыя домъ, и за чудотворцевъ, и за вѣру, такъ бы и совершили, да и во всеѣ города пишете, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ сынъ ненадобенъ: проклятъ отъ святаго собора и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты городовъ собрати къ себѣ въ Нижній-Новгородъ да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислати же прежнихъ, коихъ есте присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, свѣженина Родіона Мосѣева да Романа Пахомова,—а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь ненадобенъ; а хотя буде постраждете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семь вѣцъ и въ будущемъ; а въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всемъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣцъ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а я долженъ за васъ Бога молити“. Съ такимъ величіемъ духа свѣтѣйшій патріархъ, одинокій, заточенный въ темномъ подземельѣ, въ предверіи гроба призывалъ народъ, какъ-бы „начальный человекъ земли русской“, какъ непоколебимый вожьдъ и воевода. Посланные изъ Нижняго-Новгорода за совѣтомъ свѣянецъ Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ проникли въ Кремль и лично видѣлись съ узникомъ патріархомъ и изъ устъ его услышали слово воодушевленія, не боясь смерти, призывавъ народъ отъ его имени на спасеніе Православной вѣры и Отечества. Черезъ этихъ пословъ Патріархъ велѣлъ нижегородцамъ взять въ свои полки чудотворную икону Казанской Божіей Матери, поручивъ всехъ защитниковъ отечества верховной защитѣ и небесному покрову Пречистыя Владичицы Богородицы.

Пришедшее въ Нижній-Новгородъ это призваніе, о возстаніи на защиту вѣры и отечества, оставило сильное впечатлѣніе въ народъ и предрѣшило собирать ополченіе. Этотъ призывъ спасать родину поддерживали архимандритъ Сергіевой лавры преподобный Діонисій и келарь Авраамій

Палицивъ. Въ келліи архимандрита день и ночь писцы борзые написали грамоты въ города, призывая вѣхъ къ очищенію земли отъ враговъ. Одна изъ такихъ грамотъ въ октябрѣ 1611 года пришла въ Нижній-Новгородъ и явилась окончательнымъ толчкомъ для собранія второго ополченія въ княземъ Пожарскимъ и Козьмой Мининымъ во главѣ, которое и спасло Россію отъ гибели. Авраамій Палицивъ въ судьбѣ этого ополченія принялъ самое дѣятельное участіе; онъ почти постоянно находился среди войскъ и много помогалъ матерьяльно изъ монастырскихъ средствъ. Въ рѣшительную минуту подъ Москвой, онъ убѣдилъ казаковъ помогать земскому ополченію. Когда не стало денегъ въ скарѣ, то она послала въ казацкій станъ ризы и другія церковныя принадлежности, пронутые такимъ усердіемъ къ спасенію родины, казаки не рѣшились взять этого приношенія, а общались даромъ принимать участіе въ бояхъ. Великое воодушевленіе и подъемъ духа производило присутствіе иконы Богородицы. „Ратные люди велию вѣру начаша держати къ образу Пречистые Богородицы, и многія чудеса отъ тово образа быша. Въ стмонскій же бой и въ Московское взятіе многіе же чудеса быша“ \*). Положеніе и этого второго ополченія было ужасное. Русскіе съ трепетомъ ждали рѣшеніе судьбы отечества. Въ войскѣ зывали: „Прости свобода отечества! прости, кремль священный! Мы сдѣлали все для освобожденія васъ; но, вѣрно, Богу не угодно принять жертвы нашей и благословить оружіе наше побѣдою“. Всѣ надежды земныя пали; одинъ шагъ до отчаянія... Между тѣмъ принесшій себя въ жертву за свое отечество страстотерпецъ Христовъ Гермогенъ уже дерзновенно предстательствовалъ вкупѣ со святыми у престола Господня и умолялъ Небесную Заступницу за погибающую родину. Въ тяжкомъ плѣну, среди осажденной столицы томился близкій къ небу святитель Христовъ Арсеній. Вдругъ его келлія наполняется необыкновеннымъ свѣтомъ, и онъ зреть предъ собою небеснаго посла св. Сергія Радонежскаго. „Арсеній“ рекъ Преподобный: „ваши и наши молитвы услышаны: предстательствомъ Богородицы, судьбы отечества предложень на милость: завтра Москва будетъ въ рукахъ осаждающихъ, — и Россія спасена“. Арсеній вдругъ послѣ сего видѣнія исцѣляется отъ болѣзни. Почему былъ посланъ съ неба не Гермогенъ, а Сергій спросить насъ? Потому, дабы увѣрились въ непреложности рѣшенія Небеснаго Совѣта защитники отечества и познали вси земнородни, что сдѣланное патріар-

\*) Послѣ избранія на царство Михаила Феодоровича, икона эта была оставлена въ Москвѣ и установлено въ честь ея празднество 22 октября.

хомъ Гермогеномъ дѣло есть дѣло святое, дѣло угодное Богу... Эта небесная вѣсть стала переходить изъ устъ въ уста и немедленно проникла къ православному воинству, пришедшему уже въ полное отчаяніе. Услышавъ эту вѣсть, воинство, доселѣ готовое оставить все, воодушевляется и воспламеняется непреодолимымъ мужествомъ, не щадя своего живота, обрушивается на врага,—и кремль священный въ рукахъ русскихъ... Этотъ великій день, день Россійскаго Покрова Богоматери, день 22 октября 1912 года, увѣковѣченъ въ родѣхъ и родѣхъ въ Православной Церкви Христовой.

Неустрашимый исполнитель долга присяги, великій священномученикъ за отечество не дождался славныхъ дней спасенія отечества и избранія на царство Того, Кого онъ уже благословилъ въ темницѣ, какъ благословеннаго Богомъ, родоначальника и понынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Его послѣдними словами были отвѣтъ измѣнникамъ, принуждавшимъ его оставить собирающееся ополченіе и быть вѣрнымъ Владиславу: да будетъ надъ ними милость отъ Бога и благословеніе отъ нашего смиренія! А на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій и да будутъ они прокляты въ семь вѣкѣхъ и будущемъ!

Эти предсмертные слова, являются всемъ исполнителямъ долга присяги послѣднимъ завѣтомъ отъ великаго угодника Божія, а для измѣнниковъ — грознымъ проклятіемъ...

17 февраля 1612 года „Святѣйшій патріархъ Гермогенъ мученически скончался отъ голодной смерти въ душномъ заключеніи; тѣло его было погребено въ Чудовомъ монастырѣ, какъ онъ самъ завѣщаль.

Праведная и кристально чистая душа великаго святителя Христова переселилась изъ отечества земного, которое онъ такъ любилъ, въ отечество небесное, къ достиженію котораго стремился всю свою земную жизнь. Почилъ о Господѣ отъ великихъ трудовъ, бѣдъ и скорбей, славный и незабвенный въ роды родовъ неустрашимый исполнитель долга присяги—почилъ на порогѣ спасенной имъ Россіи. Угасла великая російская лампада, такъ ярко горѣвшая среди тьмы измѣны и отчаянія. Бездыханецъ—онъ, великій мученикъ и неповѣдникъ истины, страдалецъ за вѣру, царя и отечество. Умеръ онъ тѣломъ, но остался живъ душой, покинувъ этотъ многоскорбный міръ, такъ ласково принявшій его. Хотя хладные уста его замолкли, но искра любви къ отечеству зажженная его предсмертнымъ завѣтомъ не угасла, а яркимъ пламенемъ охватила всю Русскую землю. Въ сердцахъ благодарнаго русскаго народа не будутъ забыты нравственные цѣтны и физическія

страдавша великаго страстотерца, дяркаго свѣтильника, разогнавшаго мракъ надъ Русскою землею. Онъ, какъ духовный богатырь и витязь земли Русской, снить тихимъ вѣчнымъ своимъ, но не снить его дѣла, которыя онъ оставилъ въ наследство потомству, какъ зарю новой, свѣтлой и счастливой жизни. Онъ въ пророческомъ предвѣщаніи указалъ еще въ 1610 году на Того, кто уже предназначенъ былъ въ Небесномъ Совѣтѣ ко избранію на російскій царскій престолъ. Онъ страдалецъ святой молится до днесь у престола Царя Славы о счастьи Государя изъ „корене“ Романовыхъ и о благополучіи Русскаго народа. Память о немъ краснорѣчивѣе словъ говоритъ потомству, что кто отдастъ жизнь за честь родной Державы— не умреть въ безсмертной памяти народа...

*Игуменъ Серафимъ.*

## V.

### «Новый случай благодатной помощи по молитвамъ Святѣйшаго патріарха Гермогена».

Московская учительница Александра Главацкая \*), получившая чудесное исцѣленіе по молитвамъ Святѣйшаго патріарха Гермогена, 27-го марта 1912 года писала слѣдующее:

„Святѣйшій патріархъ Гермогенъ,—и меня грѣшную не оставилъ своею милостью.

У меня было сильнѣйшее воспаленіе сѣдалищнаго нерва.

Я страшно страдала: два мѣсяца я не могла ни сидѣть ни ходить, все только лежала на одномъ боку, который у меня совершенно онѣмѣлъ, а бѣла и читала не иначе какъ на колѣняхъ и локтяхъ. Пользовало меня нѣсколько врачей и одинъ изъ нихъ, очень хороший и опытный: по его предписанію дѣлали мнѣ компрессы, смазывали мазями, ставили мушки, но болѣзнь не проходила и мученія мои продолжались. Слегла я въ день Введенія во храмъ Пр. Богородицы и лежала вплоть до Рождества Христова: боли были нестерпимыя; я же, нетерпѣливая, много сѣтовала и роптала, прогнѣвая Господа, но все же, я, какъ умѣла, молила усердно Бога объ исцѣленіи.

\*) Адресъ Главацкой: Москва, Таганка, д. Карякиной, училище Главацкой.